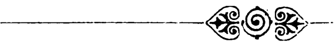
П. В. КИРѢЕВСКІЙ.

М. Гершензона.

Москва, 1910.

Оттискъ изъ I тома „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“,
изд. Общества Любителей Россійской Словесности.

П. В. КИРѢЕВСКІЙ.

БІОГРАФІЯ.

I.

Н. П. Колюпановъ, въ своей біографіи Кошелева, начинаетъ разсказъ о братьяхъ Кирѣевскихъ такими словами: „Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями: предку ихъ, Бѣлевскому дворянину Василію Семеновичу, въ началѣ XVII вѣка, пожаловано за осадное сидѣнье бывшее его помѣстье село Долбино, въ 7 верстахъ отъ Бѣлева, въ вотчину: это и было великолѣпное родовое имѣніе Кирѣевскихъ, сохранившееся за ними до сихъ поръ. Въ Долбинѣ прошли всѣ первые дѣтскіе годы И. В. и П. В. Кирѣевскихъ".

Совершенно такъ, только перемѣнивъ имена и названія, приходится начинать біографію любого изъ первыхъ славянофиловъ. Они всѣ вышли изъ старыхъ и прочныхъ, тепло-насиженныхъ гнѣздъ. На тучной почвѣ крѣпостного права привольно и вмѣстѣ закономѣрно, какъ дубы, выростали эти роды, корнями незримо коренясь въ народной жизни и питаясь ея соками, вершиною достигая европейскаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ семьяхъ — а именно таковы были семьи Кирѣевскихъ, Кошелевыхъ, Самариныхъ. Это важнѣйшій фактъ въ біографіи славянофиловъ. Онъ во многомъ опредѣлялъ и ихъ личный характеръ, и направленіе ихъ мысли. Такая старая, уравновѣшенная, увѣренная въ себѣ культура обладаетъ огромной воспитательной силой; она съ молокомъ матери внѣдряется въ ребенка и юношу окружаетъ теплой атмосферой, такъ что прежде, чѣмъ онъ успѣетъ сознать себя, онъ уже сформированъ; она заранѣе отнимаетъ у своего питомца гибкость, но зато обезпечиваетъ ему сравнительную цѣльность и послѣдовательность развитія. Намъ, нынѣшнимъ, трудно понять славянофильство, потому что мы выростаемъ совершенно иначе—катастрофически. Между нами нѣтъ ни одного, кто развивался бы послѣдовательно: каждый изъ насъ не выростаетъ естественно изъ культуры родительскаго дома, но совершаетъ изъ нея головокружительный скачекъ, или движется многими такими скачками. Вступая въ самостоятельную жизнь, мы обыкновенно уже ничего не имѣемъ наслѣдственнаго, мы все перемѣнили въ пути—навыки, вкусы, потребности, идеи; рѣдкій изъ насъ даже остается жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ провелъ дѣтство, и почти никто—въ томъ общественномъ кругу, къ которому принадлежали его родители. Это обновленіе достается намъ не дешево; мы, какъ растенія, переса-

женныя — и можетъ быть, даже не разъ — на новую почву, даемъ и блѣдный цвѣтъ, и тощій плодъ, а сколько гибнетъ, растерявъ въ этихъ перемѣнахъ и здоровье, и жизненную силу! Я не знаю, что̀ лучше: эта ли безпочвенная гибкость, или тираннія традиціи. Во всякомъ случаѣ, разница между нами и тѣми людьми очевидна; въ біографіи современнаго дѣятеля часто нечего сказать о его семьѣ, біографію же славянофила необходимо начинать съ характеристики дома, откуда онъ вышелъ.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій родился 11 февраля 1808 года въ томъ самомъ Долбинѣ, о которомъ только-что была рѣчь[1]). Онъ былъ вторымъ ребенкомъ въ семьѣ, на два года моложе своего брата Ивана. Отецъ, Василій Ивановичъ, въ молодости служилъ, при Павлѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъмаіора и поселился въ родовомъ Долбинѣ, гдѣ выстроилъ себѣ новый домъ — огромный, на высокомъ фундаментѣ, съ мраморной облицовкой стѣнъ внутри, со множествомъ надворныхъ строеній и великолѣпными садами. Это былъ, повидимому, сильный и оригинальный человѣкъ, нравственно изъ одного куска[2]). Его образованность надо признать рѣдкою для его времени: онъ зналъ пять языковъ, любилъ естественныя науки, имѣлъ у себя лабораторію, занимался медициною и довольно успѣшно лечилъ; на смертномъ одрѣ онъ говорилъ старшему сыну о необходимости заниматься химіей, и называлъ ее „божественной наукой“. Онъ много читалъ, и его знанія были, говорятъ, очень многосторонни. Пробовалъ онъ и писать, переводилъ повѣсти и романы, и даже самъ сочинялъ. Онъ былъ англоманъ — любилъ англійскую литературу и англійскую свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень набоженъ, ненавидѣлъ энциклопедистовъ и скупалъ въ Москвѣ сочиненія Вольтера съ тѣмъ, чтобы жечь ихъ. Свой домъ онъ велъ строго по завѣтамъ старины; занятія химіей и англоманство нисколько не поколебали въ немъ патріархальнаго духа и не заставили съ пренебреженіемъ отвернуться отъ простонароднаго быта; напротивъ, онъ сохранилъ во всей силѣ ту близость усадьбы съ народомъ, тотъ открытый притокъ народнаго элемента въ господскую жизнь, которые отличали помѣщичій бытъ стараго времени. „Изъ 15 человѣкъ мужской комнатной прислуги 6 были грамотны и охотники до чтенія; книгъ и времени было у нихъ достаточно, слушателей много. Во время домовыхъ богослуженій, которыя были очень часто (молебны, вечерни, всенощныя, мефимоны и службы страстной недѣли), они замѣняли дьячковъ, читали и пѣли стройно старымъ напѣвомъ: новаго Василій Ивановичъ у себя не терпѣлъ, ни даже въ церкви. Въ лѣтнее время дворъ барскій оглашался хоровыми пѣснями, подъ которыя многочисленная дворня дѣвокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водили хороводы и разныя игры: въ коршуны, въ горѣлки „заплетися плетень, заплетися, ты завейся труба золотая“, или „а мы просо

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ использованы какъ всѣ печатные матеріалы о П. В. Кирѣевскомъ, такъ и неизданныя его письма, числомъ болѣе 200, замѣтки и пр., любезно предоставленныя для настоящей работы внучкою А. П. Елагиной—М. В. Беэръ. Сколько-нибудь обстоятельной біографіи П. В. К. до сихъ поръ не существовало; поэтому я счелъ нужнымъ изложить его жизнь съ возможной полнотою и подробностью. Мнѣ казалось, что онъ этого стоитъ.

[2]) О немъ см. воспоминанія Толычевой, *Р. Арх.* 1877, II, 361 и д., Петерсона, тамъ же, 479—482, далѣе В. Лясковскій, *Братья Киръевскіе*, Спб. 1899, стр. 1—3. Я пользуюсь въ дальнѣйшемъ также неизданными записками Екат. Ив. Елагиной.

сѣяли", „я ѣду во Китай-городъ гуляти, привезу ли молодой женѣ покупку" и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то въ рощѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ на воду и пр. Вообще народу жилось весело, тѣлесныхъ наказаній никакихъ не было, ни батоговъ, ни розогъ. Главныя наказанія въ Долбинѣ были земные поклоны передъ образомъ до 40 и болѣе, смотря по винѣ, да стулъ (дубовая колода, къ которой приковывали виновнаго на цѣпь рукою). Крестьяне были достаточны, многіе зажиточны. Къ весельямъ деревенской жизни надо прибавить, что церковь села Долбина, при которой было два священника, славилась чудотворною иконою Успенія Божіей матери. Къ Успеньеву дню стекалось множество народу изъ окрестныхъ селъ и городовъ, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палатокъ съ краснымъ и всякимъ товаромъ, длинные, густые ряды съ фруктами и ягодами; не были забыты и горячіе оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василій Ивановичъ не допускалъ у себя. Даже на этотъ ярмарочный день откупщикъ не могъ сладить съ нимъ и отстоять свое право по цареву кабаку. Никакая полиція не присутствовала, но все шло порядкомъ и благополучно. Наканунѣ праздника смоляныя бочки горѣли по дорогѣ, ведшей къ Долбину, и освѣщали путь, а въ самый день Успенія длинныя, широкія, высокія, тѣнистыя аллеи при церкви были освѣщены плошками, фонариками, и въ концѣ этого сада сжигались потѣшные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночкѣ и снопами, наконецъ буракъ. Все это приготовлялъ и всѣмъ распоряжался Зюсьбиръ (нѣмецъ изъ Любека, управлявшій сахарнымъ заводомъ Кирѣевскаго). Несмотря на всѣ эти великолѣпія, постромки у каретъ, возжи у кучера и поводья у форейтора были веревочныя" [1]).

Семейныя преданія изображаютъ Василія Ивановича человѣкомъ твердой воли и непреклонныхъ убѣжденій. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ его женитьбы въ 1805 г. заѣхалъ въ Долбино губернаторъ Яковлевъ, объѣзжавшій губернію и пожелавшій въ Долбинѣ переночевать; съ нимъ была многолюдная свита, въ томъ числѣ и его возлюбленная: Василій Ивановичъ не впустилъ ее въ свой домъ, и губернаторъ принужденъ былъ уѣхать дальше искать ночлега, и потомъ не рѣшился мстить Кирѣевскому. Одно время Василій Ивановичъ былъ судьею въ своемъ уѣздѣ, по выборамъ; онъ и здѣсь внушилъ уваженіе къ себѣ своей справедливостью и страхъ своею строгостью; „нерадѣніе въ должности—вина передъ Богомъ", говорилъ онъ—и назначалъ неисправнымъ чиновникамъ земные поклоны, какъ своимъ дворовымъ. Лясковскій, просматривавшій его записную книгу, встрѣтилъ въ ней двѣ трогательныя замѣтки, гдѣ онъ упрекаетъ себя въ несправедливости—разъ по отношенію къ дворовому, котораго разбранилъ, другой разъ—къ крестьянину, которому запретилъ ѣхать лугомъ. Это непоколебимое сознаніе своего нравственнаго долга простиралось въ немъ далеко за предѣлы семейнаго и помѣщичьяго обихода: онъ чувствовалъ какъ гражданинъ, и при случаѣ умѣлъ поступать какъ гражданинъ. Сохранилось его чер-

[1]) А. Петерсонъ, „Черты стариннаго дворянскаго быта", *Р. Арх.* 1877 II 479 и д. (безъ сомнѣнія, со словъ Авд. П. Елагиной).

новое прошеніе на имя государя, гдѣ онъ предлагалъ способы для борьбы съ повальными болѣзнями. Въ 1812 году, переѣхавъ съ семьею для безопасности изъ Долбина въ другую свою вотчину, подъ Орломъ, онъ самовластно принялъ въ свое завѣдываніе городскую больницу въ Орлѣ, куда во множествѣ свозили раненыхъ французовъ. Въ госпиталѣ царили вопіющія неурядицы и злоупотребленія; не щадя силъ и денегъ, всѣхъ подчиняя своей твердой волѣ, Кирѣевскій улучшилъ содержаніе раненыхъ, увеличилъ число кроватей, самъ руководилъ леченіемъ, словомъ, работалъ неутомимо; попутно онъ обращалъ якобинцевъ на христіанскій путь, говорилъ имъ о будущей жизни, о Христѣ, молился за нихъ. Здѣсь, въ госпиталѣ, онъ и заразился тифомъ, который свелъ его въ могилу (въ ноябрѣ 1812 года).

Еще нѣсколько анекдотическихъ чертъ дополнятъ его портретъ. Въ немъ было много страннаго. Онъ былъ чрезвычайно неряшливъ въ своей наружности. Онъ очень много читалъ — и любилъ читать, затворившись въ своей комнатѣ, лежа на полу; вокругъ него на полу стояли недопитыя чашки, потому что онъ не позволялъ убирать въ кабинетѣ, подметать и стирать пыль; послѣ его женитьбы на молоденькой Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой ѣздившіе къ нимъ гости говорили, что единственный чистый предметъ въ домѣ, это хозяйка. Въ обыденныхъ житейскихъ обстоятельствахъ онъ былъ наивенъ какъ ребенокъ. Такъ, живя въ Москвѣ съ молодой женой, почти ребенкомъ, для ея первыхъ родовъ, онъ уѣзжалъ съ утра изъ дома, не оставивъ ей денегъ на расходы, и она не знала, какъ накормить свою многочисленную дворню; а онъ, засидѣвшись въ какой-нибудь книжной лавкѣ, возвращался поздно, съ кучей книгъ, а иногда со множествомъ разбитаго фарфора, до котораго былъ большой охотникъ.

Вотъ какого дуба отросткомъ былъ П. В. Кирѣевскій. Я съ умысломъ говорилъ подробно объ отцѣ: сынъ унаслѣдовалъ отъ него такъ много чертъ, какъ это рѣдко встрѣчается. Важно не это сходство само по себѣ, но та перспектива вглубь быта и времени, которую оно открываетъ. Какъ и отецъ, Петръ Кирѣевскій представляетъ собою яркій *моральный* типъ: та же внутренняя цѣльность, не подрываемая скепсисомъ, та же непоколебимая убѣжденность неизмѣнно положительнаго свойства, та же непреклонная вѣрность долгу; и дальше—живой умственной интересъ, и вмѣстѣ крѣпкое „землѣ своей своеземство",—какой-то инстинктивный патріотическій консерватизмъ, насильственно подчиняющій себѣ всѣ завоеванія ума и знанія; еще дальше — одинаковый диллетантизмъ въ занятіяхъ, непрактичность въ житейскихъ дѣлахъ, извѣстное чудачество во внѣшнихъ проявленіяхъ личности, и пр. Здѣсь чувствуется нѣчто большее, нежели фамильное сходство: это цѣлая культура въ двухъ, правда, незаурядныхъ, но вполнѣ типичныхъ своихъ представителяхъ, — культура стараго помѣстнаго дворянства, еще не оторванная отъ народной почвы, напротивъ, во многомъ близкая къ ней и сознательно дорожившая этой близостью. Такъ духовный складъ и самое міровоззрѣніе Петра Кирѣевскаго всѣми своими корнями уходятъ вглубь народной жизни. И, что особенно важно,—не только чрезъ отца, но и чрезъ мать. Здѣсь не было перекрестнаго вліянія двухъ различныхъ традицій: отецъ и мать вышли изъ нѣдръ одной и той же культуры [1]).

[1]) Объ Авд. П. см. прекрасную статью П. И. Бартенева въ *Р. Арх.* 1877 II 482—495, и воспоминанія К. Д. Кавелина, *Соч.* III 1115—1132, также Лясковскій, Колюпановъ и др.

Авдотья Петровна Юшкова также принадлежала къ старинному дворянскому роду (притомъ, того же Бѣлевскаго уѣзда); по отцу она была въ родствѣ съ Головкиными и Нарышкиными, ея дѣдъ по матери, пріятель Екатерининскихъ Орловыхъ, былъ бѣлевскимъ воеводой. И ея семья, какъ Кирѣевскихъ, соединяла съ почвенностью замѣчательную по времени образованность: отецъ Авдотьи Петровны былъ въ перепискѣ съ Лафатеромъ, ея мать была отличной музыкантшей и, говорятъ, много читала на разныхъ языкахъ; бабушка, у которой она, осиротѣвъ, жила съ 5-ти лѣтняго возраста, вдова того самаго бѣлевскаго воеводы, важная и богатая барыня, была женщина по тогдашнему начитанная. Сама Авдотья Петровна получила прекрасное образованіе, опять-таки двойственное: воспитанная французскими гувернантками изъ эмигрантокъ, она рано освоилась съ французской классической литературой, и съ другой стороны, живя по зимамъ въ Москвѣ, въ дружескомъ кружкѣ Тургеневыхъ и Соковниныхъ, она, по словамъ ея біографа, не могла не раздѣлять общаго восторга къ Дмитріеву и Карамзину, который на правахъ родственника бывалъ въ домѣ ея бабушки. Вообще, литературные и эстетическіе элементы преобладали въ ея воспитаніи, и это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ея живой, воспріимчивой натурѣ. Въ этомъ же направленіи сильно повліялъ на нее, какъ легко понять, В. А. Жуковскій, побочный сынъ ея дѣда, росшій вмѣстѣ съ нею; онъ былъ другомъ ея юности и руководителемъ въ занятіяхъ. Шестнадцати лѣтъ она была выдана замужъ за вдвое старшаго Кирѣевскаго. Онъ представлялъ собою по преимуществу моральный типъ, она—типъ эстетическій. Вліяніе мужа, безъ сомнѣнія, во многомъ и на всю жизнь опредѣлило ея положительные взгляды, въ особенности укрѣпило въ ней глубокую религіозность; но она до старости сохранила свой легкій, ясный, живой нравъ. Она любила цвѣты, поэзію, живопись, шутку, и сама была остроумна и готова на проказы, сама прекрасно рисовала. „Чувство любви къ красотамъ Божьяго міра было необыкновенно развито въ Авдотьѣ Петровнѣ: до преклонной старости не могла она равнодушно видѣть цвѣтущій лугъ, тѣнистую рощу. Цвѣты были ея страстью; она окружала себя ими во всѣхъ видахъ, составляла букеты, срисовывала, наклеивала, иглой и кистью передавала ихъ изображенія". Такъ же сильно былъ развитъ въ ней вкусъ къ поэзіи, вообще къ литературѣ. По словамъ К. Д. Кавелина, близко знавшаго ее, она была основательно знакома со всѣми важнѣйшими западными литературами, не исключая новѣйшихъ. Она и сама любила писать; ея письма къ сыновьямъ и ихъ друзьямъ очаровательны. Всю жизнь она переводила съ иностранныхъ языковъ. Еще въ юности она, подъ руководствомъ Жуковскаго, перевела много пьесъ моднаго тогда Коцебу; въ 1808—9 г. она помогала Жуковскому перепискою и переводами при изданіи „Вѣстника Европы"; когда подростали ея дѣти, она перевела „Левану" Ж.-П. Рихтера, позднѣе перевела двухтомную „Жизнь Гуса" Боншоза, отрывки изъ мемуаровъ Стефенса для „Москвитянина" 1845 г., и пр., и пр.; ея переводы, большею частью ненапечатанные, составили бы много томовъ.

П. В. Кирѣевскій могъ бы сказать о себѣ словами Гёте: отъ отца онъ унаслѣдовалъ моральный типъ, des Lebens ernstes Führen. Этотъ типъ унаслѣдовали всѣ трое дѣтей: и его братъ, Иванъ Васильевичъ, основатель философской доктрины славянофильства, и сестра Марія, умершая дѣвицей въ пятидесятыхъ

годахъ, ревнительница древняго благочестія, дважды собственноручно переписавшая Макаріевскій переводъ Библіи, въ то время запрещенный цензурою. Но поэтическое чутье, страстную любовь къ музыкѣ, склонность къ безобидной шуткѣ—словомъ, die Frohnatur, позднѣе, впрочемъ, заглохшую въ немъ, онъ унаслѣдовалъ, конечно, отъ матери. Это ея легкая кровь сказывалась въ немъ, когда, придя, напримѣръ, однажды къ Екат. Ив. Елагиной вечеромъ въ день ея именинъ, онъ извинялся, что не принесъ подарка, и вдругъ, показавъ въ окно, сказалъ: „Но дарю тебѣ всю chèvrefeuille (жимолость) на свѣтѣ, и еще полярную звѣзду“.

Эта общая наслѣдственность со стороны отца и матери въ характерѣ П. В. Кирѣевскаго непосредственно бросается въ глаза. Гораздо труднѣе опредѣлить тѣ частныя черты, которыя были обусловлены въ немъ духомъ семьи. Если вообще атмосфера родительскаго дома могущественно вліяетъ на ребенка, то тѣмъ сильнѣе это вліяніе въ семьяхъ столь крѣпкой и насыщенной культуры, какова была семья Кирѣевскихъ. Что семья развила и укрѣпила въ немъ религіозное чувство и преданность православію, это разумѣется само собою. Въ этомъ домѣ, несмотря на легкій характеръ матери, гнѣздились какія-то темныя предчувствія и страхи. Семейная хроника Кирѣевскихъ и ихъ родныхъ полна всякихъ мистическихъ исторій, неожиданныхъ совпаденій и чудесъ[1]). Въ Долбинскомъ домѣ являлись духи какихъ-то бабушекъ, умершихъ за сто лѣтъ. Говорили, что Василій Ивановичъ въ минуту смерти (онъ умеръ, какъ уже сказано, въ Орлѣ) пріѣхалъ въ Долбино въ каретѣ, прошелъ въ домъ и крикнулъ своего человѣка; всѣ дворовые видѣли его и слышали его голосъ. На его свадьбѣ съ Авдотьей Петровной шаферомъ былъ у него Николай Андреевичъ Елагинъ; свадьба была 13 января (1805 г.) въ Долбинѣ; шаферъ простудился, занемогъ горячкой и чрезъ нѣсколько дней умеръ въ домѣ молодыхъ. Въ 1817 году, 11 января, въ день рожденія Авдотьи Петровны, должна была состояться въ Дерптѣ свадьба ея лучшаго друга, Марьи Андреевны Протасовой, которую такъ долго любилъ Жуковскій, съ Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ. Почему-то свадьба въ этотъ день не могла состояться и была перенесена на 14-ое января. Авдотья Петровна спѣшила изъ Долбина на эту свадьбу, но ледъ Оки подломился подъ ея повозкою, она едва не утонула, страшно простудилась и была принуждена долго оставаться въ Козельскѣ; здѣсь она сблизилась со своимъ троюроднымъ братомъ, роднымъ братомъ того самаго шафера, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, за котораго и вышла вскорѣ затѣмъ по второму браку. Такія совпаденія запоминались, имъ, повидимому, придавали въ семьѣ таинственное значеніе. Всѣ, начиная съ самой Авдотьи Петровны, видѣли пророческіе или предостерегающіе сны. Общей особенностью всей семьи была также взаимная мнительность относительно здоровья, державшая всѣхъ въ постоянномъ безпокойствѣ и превращавшаяся въ паническій страхъ при малѣйшемъ поводѣ. Письма П. В. Кирѣевскаго, можно сказать, на три четверти наполнены тревожными запросами, увѣщаніями и пр. насчетъ здоровья матери, братьевъ, вообще родныхъ; пустячное нездоровье кого-нибудь изъ нихъ заставляетъ его скакать на мѣсто—въ Бунино, Петрищево, Москву, бросая всѣ дѣла, и это повторялось много разъ ежегодно.

---

[1]) См. неизданныя записки Е. И. Елагиной, о которыхъ упомянуто выше.

Иванъ Васильевичъ тоже былъ мученикомъ этихъ страховъ. Кажется, будто тяжелая серьезность ихъ отца въ соединенiи съ нервной возбудимостью матери породили въ сыновьяхъ эту тревогу, которая ложилась черной тѣнью на ихъ жизнь и на ихъ мышленiе.

II.

Безъ сомнѣнiя покажется страннымъ, если я скажу, что ни образованiе, ни внѣшнiя влiянiя, которымъ въ молодости подвергался П. В. Кирѣевскiй, по существу ничего не измѣнили въ немъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ дѣйствiе на него было ничтожно,—до такой степени его душевный складъ и самое его мiросозерцанiе были предопредѣлены наслѣдственностью и духомъ семьи. Болѣе, чѣмъ о какомъ-либо человѣкѣ, о немъ можно сказать, что онъ остался неизмѣннымъ отъ рожденiя до могилы. Мы слишкомъ мало знаемъ о его молодости, чтобы можно было возстановить картину его развитiя; но то, что̀ мы знаемъ, съ достаточной убѣдительностью показываетъ, что его развитiе было только раскрытiемъ и осознанiемъ его врожденныхъ наклонностей, въ которыхъ нашелъ себѣ форму и волю цѣлый мiръ нацiональной и сословно-дворянской исторiи.

Въ 1812 году, когда умеръ отецъ, П. В. Кирѣевскому было четыре года[1]). Ближайшiе полтора года Авдотья Петровна прожила съ дѣтьми у своей тетки Протасовой въ ея имѣнiи подъ Орломъ; маленькiй Петя, говорятъ, очень скучалъ тамъ по родномъ Долбинѣ. Съ ними жилъ тамъ и Жуковскiй, тогда уже прославленный авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", и когда Авдотья Петровна, въ серединѣ 1814 года, перебралась назадъ въ Долбино, онъ поселился у нея. П. В. былъ еще слишкомъ малъ, чтобы Жуковскiй могъ непосредственно повлiять на него. Но влiянiе Жуковскаго, чрезъ Авдотью Петровну, вошло въ семью и, напримѣръ, очень сильно отразилось на старшемъ Кирѣевскомъ; оно въ значительной степени опредѣлило его вкусы, литературные прiемы и даже характеръ его позднѣйшей философiи. Въ Петрѣ Кирѣевскомъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ этого влiянiя; нѣмецкiй романтизмъ оказался столь же незаразительнымъ для него, какъ позднѣе германская философiя. Въ 1817 году, какъ сказано, Авдотья Петровна вышла замужъ за А. А. Елагина. Это былъ, повидимому, заурядный человѣкъ, не внесшiй новой струи въ семью; но онъ былъ любитель философскаго чтенiя, почитатель Канта и Шеллинга. Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ много содѣйствовалъ раннему пробужденiю философскаго интереса въ Иванѣ Кирѣевскомъ. Вѣроятно и Петръ Васильевичъ читалъ Шеллинга,—тогда въ его кругу всѣ увлекались Шеллингомъ; возможно, что онъ заимствовалъ у Шеллинга нѣкоторыя историко-философскiя идеи; но общiй духъ Шеллинизма опять-таки остался ему совершенно чуждъ и нимало не опредѣлилъ его направленiя. Онъ могъ бы и никогда не слыхать о Жуковскомъ, могъ бы не прочитать ни строки изъ Шеллинга,—его мiровоззрѣнiе и его дѣятельность были бы тѣ-же. Объ Иванѣ Кирѣевскомъ этого нельзя сказать.

---

[1]) О дѣтствѣ и юности П. В. К. см. Лясковскаго, Колюпанова, „Матерiалы для бiографiи И. В. К." въ 1-мъ томѣ его сочиненiй.

Братья Кирѣевскіе получили чрезвычайно тщательное воспитаніе. Еще въ Долбинѣ они основательно изучили нѣмецкій и французскій языки и ихъ классическія литературы. Въ 1821 году семья переселилась въ Москву; здѣсь юноши брали уроки у лучшихъ профессоровъ университета—у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова, учились англійскому, латинскому и греческому языкамъ. Старшій въ 1824 году сдалъ экзаменъ въ университетѣ и поступилъ на службу въ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; младшій пошелъ тѣмъ же путемъ нѣсколько позже.

Въ тѣ годы умственная жизнь Москвы отличалась большимъ оживленіемъ. Было бы соблазнительно разсказать, какъ начала пробуждаться мысль въ передовыхъ представителяхъ молодого поколѣнія, какъ стали возникать первые московскіе кружки—Раича, Веневитинова, В. Ѳ. Одоевскаго,—какъ эти юноши, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ патріархальнаго быта и нисколько ему не враждебные, въ силу какой-то инстинктивной потребности со страстью предались отвлеченному философствованію, которое въ концѣ концовъ приведетъ ихъ къ выработкѣ совершенно новаго міровоззрѣнія, какъ они, въ поискахъ истины, жадно набросились на современныя имъ философскія и эстетическія теоріи Запада, и какъ своеобразно они приспособляли эти ученія къ своимъ нуждамъ. Разсказать объ этомъ было бы тѣмъ болѣе соблазнительно, что братья Кирѣевскіе стояли въ самомъ центрѣ движенія, были дружны съ его вождями, входили въ составъ этихъ кружковъ.—Но въ біографіи П. В. Кирѣевскаго такой разсказъ, я боюсь, былъ бы совсѣмъ неумѣстенъ. Мало того, что у насъ нѣтъ *ни одного* прямого показанія о его роли въ этихъ кружкахъ, объ его интересѣ къ нимъ или объ ихъ вляніи на его развитіе,—но даже предположительно ни одна черта его позднѣйшаго міровоззрѣнія не можетъ быть поставлена въ связь съ этимъ движеніемъ (опять-таки въ отличіе отъ его брата). Общаго вліянія, разумѣется, нельзя отрицать,—но оно неуловимо; утверждать же что-нибуть положительное нѣтъ основаній. Петръ Васильевичъ былъ въ молодости, да и всю жизнь, нелюдимъ и застѣнчивъ; эта молодежь были не его друзья, а друзья его брата; весьма вѣроятно, что онъ вовлекался въ ихъ кружки, такъ сказать, механически, вслѣдъ за братомъ, и оставался чуждъ ихъ интимной жизни.

Вообще, повторяю, внутренняя жизнь П. В. Кирѣевскаго въ его молодые годы остается для насъ закрытой. Нѣсколько больше свѣдѣній сохранилось объ его литературныхъ занятіяхъ за это время. Повидимому, первой его работой, попавшей въ печать, было изложеніе небольшого курса ново-греческой литературы, изданнаго по-французски въ Женевѣ въ 1827 году Ризо Нерулосомъ; это изложеніе было напечатано, за полной подписью: П. Кирѣевскій, въ двухъ книжкахъ „Московскаго Вѣстника" 1827 года, 13-ой и 15-ой. Выборъ книги былъ очень удаченъ. Въ этотъ моментъ вся передовая часть европейскаго общества съ глубокимъ участіемъ слѣдила за героическими усиліями грековъ отстоять свою едва-добытую независимость. Борьба партій въ самой Греціи облегчила задачу турокъ: въ 1825 году они снова перешли въ наступленіе, въ 1826-мъ взяли Миссолонги и овладѣли Мореей, и въ то самое время, когда печаталась статья Кирѣевскаго—въ іюнѣ 1827 г.—взятіе Акрополя снова отдало Грецію во власть мусульманъ. Книга фанаріота Ризо вовсе не была простою исторіей литературы: онъ хотѣлъ познакомить Европу съ исторіей умственнаго возрожденія

своей родины и доказать ей, что возстаніе Греціи было „неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нравственнаго усовершенствованія народа, а не дѣйствіемъ фанатической черни, возмущенной умами безпокойными"; по тогдашнему настроенію европейскаго общества, особенно правительствъ, это былъ со стороны Ризо очень искусный пріемъ. Во всякомъ случаѣ, выборъ такой книги свидѣтельствуетъ о значительной развитости девятнадцатилѣтняго Кирѣевскаго. Статья почти сполна занята переводомъ выдержекъ изъ книги Ризо; они выбраны умно и переданы прекраснымъ слогомъ.

Въ этомъ-же или въ слѣдующемъ (1828) году П. В. перевелъ и издалъ отдѣльной книжкою повѣсть Байрона „Вампиръ" со своими примѣчаніями (я не видѣлъ этой книжки). Въ 19-ой—20-й книгѣ „Московскаго Вѣстника" за 1828 годъ напечатанъ его прозаическій переводъ съ испанскаго значительной части комедіи Кальдерона „Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ", сопровождаемый такимъ примѣчаніемъ редакціи: „Считаемъ за долгъ сообщить пріятную новость любителямъ словесности, что П. В. Кирѣевскій, которому мы обязаны симъ отрывкомъ, намѣренъ заняться переводомъ всѣхъ лучшихъ произведеній Калдерона". Дѣйствительно, въ бумагахъ П. В. послѣ его смерти были найдены, по словамъ Н. А. Елагина[1]), нѣсколько оконченныхъ драмъ Кальдерона, а также Шекспира, переведеныхъ имъ въ молодости[2]); почему онъ не напечаталъ ихъ—мы не знаемъ.

Всѣ эти работы носятъ, очевидно, случайный характеръ и не проливаютъ свѣта на внутреннюю жизнь молодого Кирѣевскаго. Были ли у него въ это время какіе-нибудь опредѣленные планы на будущее, неизвѣстно. Весною 1829 года онъ рѣшилъ-было вступить въ военную службу[3]). Это намѣреніе, конечно, стояло въ связи съ только-что начавшейся (въ 1828 г.) войною противъ Турціи; но что именно прельщало Кирѣевскаго въ этой войнѣ: мечта ли о возстановленіи креста на Св. Софіи (какъ императора Николая), или же, что̀ вѣроятнѣе, надежда на освобожденіе Греціи русскимъ оружіемъ, судить невозможно. Жуковскій, узнавъ о его намѣреніи, обѣщалъ помочь ему въ опредѣленіи на службу, но родители, повидимому, противились[4]). По намеку въ одномъ письмѣ Рожалина[5]) можно догадываться, что въ концѣ концовъ Авдотья Петровна дала согласіе, но тѣмъ временемъ война кончилась; во всякомъ случаѣ, П. В. остался штатскимъ человѣкомъ. И все-таки, въ половинѣ іюля онъ надолго покинулъ родительскій домъ. Тогда только-что начиналась тяга русской молодежи въ германскіе университеты: П. Кирѣевскій былъ однимъ изъ первыхъ.

Онъ пробылъ за-границею больше года, и за это время не только онъ самъ, какъ естественно, писалъ матери письма болѣе обстоятельныя, чѣмъ обыкно-

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Ив. Вас. Кирѣевскаго", въ 1-мъ томѣ его Соч., изд. 2-ое, стр 62, прим.

[2]) Изъ драмъ Шекспира во всякомъ случаѣ имъ были переведены до 1832 года „Отелло" и „Венеціанскій купецъ", см. *Уткинскій сборникъ* М. 1904, стр. 56.

[3]) Юнкеромъ, см. *Уткинскій сборникъ*, стр. 49.—Письма Н. М. Рожалина, *Рус. Арх.* 1909, кн. 8, стр. 569, 572, 577.

[4]) Письмо П. В. къ матери, отъ 15 мая,—*Рус. Арх.* 1894 № 10, стр. 207.

[5]) *Р. Арх*, 1909 № 8, стр. 577: „Жаль, что вы такъ долго не отпускали Петра Васильевича : сколько было бы для него случаевъ отличиться!... Желаю ему искренно похода и счастья" (къ А. П. Елагиной, отъ 17 августа 1829).

венно, но и о немъ много писали ей братъ Иванъ, съѣхавшійся съ нимъ тамъ, и ихъ товарищъ, другъ ихъ семьи Рожалинъ, котораго П. В. уже засталъ въ Германіи, — такъ что изъ этихъ писемъ его образъ выступаетъ предъ нами явственнѣе, нежели въ какой-нибудь другой періодъ его жизни [1]).

III.

Онъ ѣхалъ въ Германію несомнѣнно подъ обаяніемъ ея поэзіи и науки. Первый нѣмецкій городъ, гдѣ онъ рѣшилъ остановиться, былъ Дрезденъ; онъ разсчитывалъ найти здѣсь Рожалина, но разыскалъ его только на третій день; черезъ часъ послѣ встрѣчи они были уже въ театрѣ: давали „Фауста" въ честь 80-лѣтняго рожденія Гёте. Восхищенію П. В. не было границъ; „невозможно было не забыться", писалъ онъ брату объ этомъ представленіи; „едва ли какая-нибудь трагедія можетъ дѣйствовать сильнѣе"; дирекція обѣщала дать „Фауста" еще два раза, и они ждали съ нетерпѣніемъ, но власти запретили вторичную постановку. Ему было очень досадно, когда какая-то дама, съ которою онъ познакомился въ Дрезденѣ, — обѣщавъ дать ему письмо къ сестрѣ Жанъ-Поля Рихтера въ Мюнхенъ, обманула. Вмѣстѣ съ Рожалинымъ онъ исходилъ пѣшкомъ Саксонскую Швейцарію, которая ему очень понравилась. Онъ былъ вообще очень оживленъ. Послѣ его отъѣзда въ Мюнхенъ (въ Дрезденѣ онъ провелъ нѣсколько больше двухъ недѣль) Рожалинъ пишетъ о немъ Шевыреву: „У меня былъ П. В. Кирѣевскій, здоровый, веселый, нетерпѣливый слышать Шеллинга и его Минхенскую братію... Я многаго ожидаю отъ его твердаго, постояннаго и умѣреннаго характера, которому Минхенъ придастъ электричества. Планъ его—учиться политическимъ наукамъ, особенно исторіи, и особенно средней исторіи". Но и въ эти первые дни своей заграничной жизни, когда, казалось-бы, блескъ европейской культуры долженъ былъ ослѣпить 20-лѣтняго юношу, впервые увидѣвшаго свѣтъ, Кирѣевскій остается вѣренъ своимъ задушевнымъ пристрастіямъ. Въ Россіи лучше! Въ Германію можно пріѣхать за дѣломъ, на время, поучиться, но жить хорошо только въ Россіи. Онъ уже въ Дрезденѣ „успѣлъ посердиться на нѣмцевъ": въ Бреславлѣ ему сшили сапоги, но едва онъ, подъ Дрезденомъ, взошелъ на горы, подошвы отвалились. И лошади нехороши: поѣхали верхомъ къ Богемскимъ горамъ, „Петръ Васильевичъ перепробовалъ всѣхъ нашихъ лошадей и проклялъ всѣхъ до единой". Нѣмецкіе города кажутся ему мизерными, даже Мюнхенъ, который „на Москву самый похожій": „очень много красоты отнимаетъ у здѣшнихъ городовъ недостатокъ колоколенъ и златоверхихъ церквей, которыя такъ много украшаютъ наши. Правда, здѣсь есть прекрасныя готическія зданія, но ихъ во всемъ городѣ три или четыре, и при взглядѣ на городъ издалека они совсѣмъ не производятъ такого дѣйствія, какое множество колоколенъ и башенъ въ Москвѣ, или даже Смоленскѣ".

Въ началѣ сентября (1829 г.) Кирѣевскій пріѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ рѣшилъ основаться надолго. Нанявъ квартиру изъ двухъ комнатъ, побывавъ

---

[1]) Его письма изъ-за границы къ роднымъ напечатаны въ *Р. Арх.* 1894 № 10 и 1905 № 5. Письма Ив. Вас. — въ „Матер. для біогр. И. В. К." при первомъ томѣ его *Соч.* и въ *Р. Арх.* 1907 № 1.—Письма Рожалина—въ *Р. Арх.* 1909 № 8.

въ театрѣ, посѣтивъ Тютчевыхъ, онъ наконецъ занялся дѣломъ: отправился къ ректору университета, филологу Тиршу, просить позволенія слушать лекціи. Визитъ сошелъ благополучно, только уходя Кирѣевскій „чуть-чуть было не вышибъ дверь", толкнувшись о нее. По заведенному тогда обычаю, онъ долженъ былъ посѣтить и Шеллинга, котораго собирался слушать. Это посѣщеніе онъ подробно описалъ въ письмѣ къ брату, остававшемуся еще въ Москвѣ [1]). Я долженъ привести это письмо цѣликомъ; оно ближе и, главное, непосредственнѣе познакомитъ читателя съ молодымъ Кирѣевскимъ, нежели это могъ бы сдѣлать самый искусный разсказъ. Этотъ юноша двадцати одного года, очевидно, очень уменъ и развитъ не по лѣтамъ; онъ зорокъ въ своихъ наблюденіяхъ, самостоятеленъ и спокоенъ въ сужденіяхъ, и однако сколько молодости въ его письмѣ, какая теплая задушевность! Шеллингъ навѣрное не часто видалъ такихъ юношей; недаромъ онъ сразу замѣтилъ его и надолго запомнилъ.

„$^{7}/_{19}$ октября. Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга. Ходилъ просить позволенія слушать его лекціи, и проговорилъ съ нимъ около часа. Узнаешь ли ты меня въ этомъ подвигѣ? И что всего удивительнѣе, не запнулся ни разу. Но что тебѣ сказать о Шеллингѣ? Не можешь вообразить, какое странное чувство испытываешь, когда *увидишь* наконецъ эту сѣдую голову, которая, можетъ быть, *первая* въ своемъ вѣкѣ, когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ! Такъ какъ завтра уже начинается курсъ, слѣдовательно откладывать моихъ визитовъ профессорамъ было долѣе нельзя, то я и отправился сегодня прямо къ Шеллингу. Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ девятнадцати, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ девяти, и когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hofrath v. Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist? а сама между тѣмъ начала говорить со мною по-французски о погодѣ. Наконецъ маленькая дочка Шеллинга возвратилась и сказала, что Шеллингъ проситъ меня взойти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная Шеллинга — маленькая комнатка шаговъ въ одиннадцать вдоль и поперекъ и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности; вся мебель состоитъ въ маленькомъ диванчикѣ и трехъ стульяхъ, а на голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченыхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ. Но я не успѣлъ разсмотрѣть этотъ эстампъ хорошенько. Минутъ пять я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ отворилась дверь — и взошелъ Шеллингъ! — но совсѣмъ не такой, какимъ я себѣ воображалъ его. Я часто слыхалъ отъ видѣвшихъ его, что никакъ нельзя сказать по его наружности: это Шеллингъ, и я думалъ найти старика дряхлаго, больнаго и угрюмаго, человѣка, раздавленнаго подъ тяжелой ношею мысли, какого видалъ на портретахъ Канта; но я увидѣлъ человѣка, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, но Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицемъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣ-

---

[1]) Это письмо, вѣроятно безъ вѣдома П. В. К., но за полной его подписью, тогда же напечаталъ Погодинъ въ своемъ „Моск. Вѣстн." – 1830, ч. I, стр. 111—116. Въ числѣ другихъ заграничныхъ писемъ П. В. К., оно напечатано (не совсѣмъ точно) въ *Рус. Арх.* 1905 № 5. Я исправляю текстъ по подлиннику письма.

сколько вздернутый кверху сократически; верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но, несмотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо, хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однихъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе; въ немъ ничего опредѣленнаго не выражается, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо ко всѣмъ выраженіямъ способное. Лихонинъ, говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ *индивидуально*, назвалъ бы выраженіе Шеллингова *абсолютнымъ*. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ — какое-то молніе блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ. Вотъ все, что можно *сказать* о наружности Шеллинга; но если будетъ случай замѣтить хорошенько его профиль, постараюсь вырѣзать его силуэтъ, и тогда пришлю.

„Онъ встрѣтилъ меня извиненіемъ, что заставилъ дожидаться, и просилъ взойти въ другую комнату, которая, какъ кажется, его кабинетъ. Здѣсь, говоря съ Шеллингомъ, я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколькихъ рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ. Когда я сказалъ, что желаю слушать его лекціи, онъ отвѣчалъ, что очень радъ, если хотя чѣмъ нибудь можетъ мнѣ быть полезенъ, и просилъ адресоваться къ нему во всемъ, что̀ онъ можетъ сдѣлать. Онъ посадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ передо мною на стулѣ, и съ вопроса, долго ли я намѣренъ остаться здѣсь, началъ говорить о здѣшнихъ способахъ, собраніяхъ по части искусствъ и библіотекахъ; потомъ, спросивши, въ какомъ состояніи осталась библіотека Московскаго Университета послѣ пожара, началъ разспрашивать объ Москвѣ, объ Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ, на какомъ языкѣ нѣмецкіе профессора читаютъ у насъ лекціи, много ли занимаются Латинскимъ языкомъ въ Университетѣ. „Ну хорошо!“ сказалъ онъ между прочимъ, „въ медицинскомъ отдѣленіи искони уже введенъ Латинскій языкъ, и необходимъ; но если бы, напримѣръ, читать въ Москвѣ философію на Латинскомъ языкѣ, думаете ли вы, что нашлись бы слушатели?“ Я отвѣчалъ, что большая часть слушателей, способныхъ понимать лекціи философическія, были бы способны понимать ихъ и на Латинскомъ языкѣ, но что впрочемъ Нѣмецкимъ языкомъ занимаются въ Россіи еще гораздо больше.—Отъ Университета онъ перешелъ къ образу жизни Москвичей, говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіатской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ, разспрашивалъ о состояніи нашей литературы, говорилъ, что онъ слышалъ, что она дѣлаетъ быстрые шаги, и что онъ слышалъ также, что у насъ драматическое искусство процвѣтаетъ, особенно что есть отличные комики; но въ послѣднемъ по несчастью я не могъ подтвердить его мнѣнія. Потомъ онъ перешелъ къ настоящей войнѣ. „Россіи, сказалъ онъ, суждено великое назначеніе, и никогда еще она не выказывала своего могущества въ такой полнотѣ, какъ теперь; теперь въ первый разъ вся Европа, по крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе, смотрятъ на нее съ участіемъ и желаніемъ успѣха; жалѣютъ только, что, въ настоящемъ положеніи, ея требованія, можетъ быть, слишкомъ умѣренны“. Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно между тѣмъ было бы его изученіе; хвалилъ его звучность; говорилъ, что очень много

слышалъ о нашемъ Жуковскомъ и что по всѣмъ слухамъ это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева. Das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, сказалъ онъ между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gerne unterhält. И когда наконецъ я всталъ, чтобы идти, онъ спросилъ мое имя, и сказалъ, что ему очень пріятно было бы, если бы я иногда навѣщалъ его по вечерамъ; и это приглашеніе повторилъ два раза.

„Вотъ тебѣ покуда все, что я могъ запомнить изъ словъ Шеллинга. Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, и нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ; и вообще онъ очень умѣетъ сдѣлать положеніе своего соразговаривающаго ловкимъ.

„Зачѣмъ не ты былъ на моемъ мѣстѣ?“

Онъ записался въ университетѣ и началъ, повидимому, усердно посѣщать лекціи Шеллинга, Окена, Тирша, Гёрреса и др.; дома онъ занимался латинскимъ языкомъ, отчасти испанскимъ и итальянскимъ, читалъ по философіи (Шеллинга) и по исторіи. Изрѣдка онъ бываетъ на пріемныхъ вечерахъ у Шеллинга и Окена, но чаще—раза два въ недѣлю—проводитъ вечера въ семьѣ Ѳ. И. Тютчева, принявшей его съ родственной теплотою. Время его распредѣлено по часамъ, и онъ трудится упорно. Уже теперь, какъ потомъ всю жизнь, онъ до робости скроменъ и самаго низкаго мнѣнія о своихъ способностяхъ. Ему тяжело чувствовать, пишетъ онъ брату, какъ мало онъ оправдываетъ высокое понятіе, которое тотъ имѣетъ о немъ. Онъ во всемъ считаетъ себя ниже брата: „Судьба уже давно раздѣлила насъ неровнымъ надѣломъ способностей; ты далеко опередилъ меня; какая-то тяжелость ума и безпрестанно грызущее чувство сомнѣнія въ самомъ себѣ оставили меня назади“. Онъ жалуется на медленность своего чтенія, его приводятъ „въ отчаяніе“ его дурной французскій языкъ, заиканье, неумѣніе разговаривать. Сообщая о томъ, что побывалъ на нѣсколькихъ карнавальныхъ балахъ и маскарадахъ, онъ пишетъ матери: „Не подумайте однакоже, читая, что я такъ часто бываю на балахъ, что я пустился въ большой минхенскій свѣтъ, сдѣлался развязенъ, многоглаголенъ и танцующъ; напротивъ: языкъ мой костянъ по прежнему, неловкость та же, и я возвращаюсь съ бала, не произнеся ни одного слова. Они (т. е. балы) интересны для меня только какъ нѣмецкія панорамы. Это не значитъ однакоже, чтобы я думалъ, что общество *для общества* и безъ другихъ отношеній ненужно и безполезно; я давно убѣжденъ въ важности *свѣтскихъ* качествъ, и даже до нѣкоторой степени въ ихъ необходимости. Но чѣмъ больше я въ этомъ убѣждаюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь и въ своей совершенной къ нимъ неспособности, которая заключается не въ неловкости, не во французскомъ языкѣ, съ которыми бы можно было сладить, но въ *несообщительности*, которая лежитъ въ характерѣ, которой нельзя помочь наружными средствами и дѣйствія которой идутъ дальше *свѣтскаго* общества“.

По одному этому признаку можно предсказать, какой типъ человѣка представитъ собою Кирѣевскій въ зрѣломъ возрастѣ. Такая замкнутость въ себѣ всегда обозначаетъ цѣломудріе и упрямство. Такой человѣкъ, если только онъ сильная натура, какою несомнѣнно былъ Кирѣевскій, непремѣнно разовьется

существенно, т. е. изъ коренныхъ задатковъ своего духа, безъ примѣси наносныхъ элементовъ, и въ своихъ сознательныхъ выводахъ будетъ неподатливъ, недоступенъ сомнѣніямъ и критикѣ,—именно потому, что его мысль—органическій плодъ его существа. Какая-то отчужденность и строгость, часто соединенная съ грустью, отличаютъ этихъ людей; они не сливаются съ окружающей ихъ толпой, имъ чужды ея суетные интересы и утѣхи. Если въ такомъ человѣкѣ зародится мысль большого калибра,—все-равно, нравственная, философская или практическая,—онъ предается ей всецѣло, больше того—онъ становится ея рабомъ, онъ одержимъ ею, и пойдетъ осуществлять ее съ неимовѣрнымъ упорствомъ, которое можно принять за ограниченность ума. Таковъ былъ Кирѣевскій, и въ 21 годъ онъ не только былъ совершенно сформированъ въ смыслѣ характера, но уже обладалъ и той мыслью, которой онъ останется подвластенъ всю жизнь.

Эта мысль, выросшая, если можно такъ выразиться, изъ насыщенныхъ далекой наслѣдственностью глубинъ его духа, въ 1829—30 г. еще неясно рисовалась его уму, но въ своихъ общихъ очертаніяхъ уже предстояла ему, какъ безусловная истина и единая цѣль. Онъ уже за-границу пріѣхалъ съ опредѣленной задачей—запастись знаніями и окрѣпнуть духовно *для служенія родинѣ*. Имъ не руководятъ ни самодовлѣющій теоретическій интересъ, ни забота о собственной карьерѣ; его цѣль сразу ставится сверхлично и, притомъ, практически: сослужить службу Россіи, какъ цѣлому. Это рѣшеніе предполагаетъ, конечно, извѣстныя предпосылки, т. е. извѣстное знаніе того, что̀ такое русскій народъ и чего ему не достаетъ. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, Кирѣевскій еще далекъ отъ философскаго обоснованія своихъ взглядовъ, но исходная точка имъ уже найдена, — въ дальнѣйшемъ онъ только разовьетъ эту зачаточную мысль.

Уже съ первыхъ мѣсяцевъ его заграничной жизни начинаютъ мелькать въ его письмахъ насмѣшки надъ „нѣмецкой флегмой", надъ нѣмецкой „разсчитанностью и холодностью". Имъ онъ противопоставляетъ русскую безпечность, русскій хохотъ и русскую ясность. О братѣ своемъ, послѣ того, какъ тотъ пожилъ нѣкоторое время въ Германіи, онъ пишетъ родителямъ: „Онъ тотъ же энергическій, высокій и горячій душою, и ясный, но вмѣстѣ съ этимъ *прежнимъ Русскимъ*, и Европеецъ, т. е. дѣятельный". Это значитъ, что главной и драгоцѣннѣйшей особенностью русскаго національнаго характера онъ считаетъ *нравственную страстность*, въ противоположность ни теплымъ, ни холоднымъ, или вовсе холоднымъ, каковы, напримѣръ, по его наблюденію нѣмцы. Эту черту онъ, кажется, считаетъ въ русскихъ стихійнымъ элементомъ; по крайней мѣрѣ, ту же біологическую особенность онъ отмѣчаетъ и въ русской природѣ. Такъ, сообщая о раннемъ наступленіи весны въ Мюнхенѣ, онъ пишетъ[1]): „Несмотря однакоже на здѣшнее раннее тепло, я не промѣнялъ бы нашей весны на здѣшнюю. Въ ручейкахъ, которые теперь у насъ въ Москвѣ бѣгутъ повсюду, въ этомъ быстромъ, бодромъ переходѣ, въ живительной свѣжести нашего весенняго воздуха есть прелесть, которой здѣшняя весна не имѣетъ. У насъ природа спитъ долго, за то просыпается свѣжѣе, бодрѣе, и быстрота перехода отъ спокойствія

[1]) Неизданное письмо отъ 25 марта—6 апрѣля 1830.

къ жизни чувствуется живѣе. Здѣсь все просыпается по немногу, нѣмецкая природа лѣнится бодро вспрыгнуть съ постели и еще долго остается между сномъ и бдѣніемъ; ясные дни смѣняются съ сѣрыми, и не знаешь, въ самомъ ли дѣлѣ она проснулась или заснетъ опять". Совершенно то же различіе видитъ онъ между нѣмцами и русскими въ духовной области: тамъ равнодушіе, безжизненность, сухость, здѣсь—живое одушевленіе и страстная воспріимчивость. „Только побывавши въ Германіи, вполнѣ понимаешь великое значеніе Русскаго народа, свѣжесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стóитъ поговорить съ любымъ нѣмецкимъ простолюдиномъ, стóитъ сходить раза четыре на лекціи Минхенскаго Университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы ихъ опередимъ и въ образованіи.—Здѣсь много великихъ ученыхъ, но всѣ они собраны изъ разныхъ государствъ Германіи óднимъ человѣкомъ—королемъ, который дѣлаетъ все, что можетъ; это еще не Университетъ: что могутъ они сдѣлать, когда ихъ слова разносятся по вѣтру? Надежды, которыя Университетъ подавать можетъ, должны мѣриться и образовательностью слушателей:—а знаешь ли, что въ Московскомъ Университетѣ едва ли найдешь десятокъ такихъ плоскихъ и бездушныхъ физіономій, изъ какихъ составленъ весь Минхенскій? Знаешь ли, что во всемъ Университетѣ едва ли найдешь между студентами человѣкъ пять, съ которыми бы не стыдно было познакомиться? Что большая часть спитъ на лекціяхъ Окена и читаетъ романы на лекціяхъ Герреса? что дни три тому назадъ Тиршъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ Германіи, долженъ былъ имъ проповѣдовать на лекціи, что для того, чтобы сдѣлать успѣхи въ филологическихъ наукахъ, не должно скупиться и запастись по крайней мѣрѣ *латинской грамматикой!* потому что многіе изъ нихъ приходятъ къ нему, прося позволенія просмотрѣть грамматику Цумпта, которая стоитъ 1 талеръ!—И это тотъ Университетъ, гдѣ читаютъ Шеллинги, Окены, Герресы, Тирши. Чтò если бы *одинъ* изъ нихъ былъ въ Москвѣ? Какая жизнь закипѣла бы въ Университетѣ! Когда и тяжелый, педантическій Давыдовъ могъ возбудить энтузіазмъ"[1]). Это писано чрезъ три мѣсяца по пріѣздѣ Кирѣевскаго въ Германію.

Итакъ, полнота и страстность душевной жизни — вотъ драгоцѣнная особенность русскихъ. Но они инертны и лѣнивы: имъ недостаетъ европейской активности. Мы видѣли только-что, какъ, говоря о братѣ, Кирѣевскій употребляетъ слово „европеецъ" какъ синонимъ понятія „дѣятельный". Очевидно, что безъ европейской „дѣятельности" тѣ прекрасныя качества русскаго характера навѣки останутся безплодными; значитъ, важнѣйшая очередная задача Россіи заключается въ томъ, чтобы стряхнуть съ себя лѣнь, чтобы закипѣла въ ней бодрая, живая работа. Отсюда Кирѣевскій выводитъ свою идею служенія родинѣ: каждый русскій гражданинъ, и въ частности онъ самъ, обязанъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать пробужденію Россіи. Онъ пишетъ брату: „Ты хорошо знаешь всѣ нравственныя силы Россіи: уже давно она жаждетъ живительнаго слова, и среди всеобщаго мертваго молчанія—какія имена оскверняютъ нашу литературу! *Тебѣ суждено горячимъ, энергическимъ словомъ оживить умы русскіе, свѣжіе, полные силъ, но зачерствѣлые въ тѣснотѣ нравственной жизни*". Это звучитъ почти торжественно,—но онъ пишетъ о томъ, что для него святѣй всего, онъ выражаетъ самое заду-

---

[1]) В. Лясковскій, *Братья Кирѣевскіе*, Спб. 1899, стр. 23—24.

шевное свое убѣжденіе. И о себѣ самомъ, жалуясь на медленность своихъ занятій, онъ говоритъ: „Здѣсь, гдѣ съ каждымъ днемъ глубже и глубже чувствуешь тѣ безчисленные труды, которые еще предлежатъ Россіи, *чтобы получить живое умственное движеніе Европы*, хотѣлось бы, чтобы не только каждый день, но каждый часъ былъ означенъ какимъ-нибудь шагомъ, и вмѣсто того, движеніе едва-едва замѣтно". Такъ глубоко онъ проникнутъ сознаніемъ своего долга предъ родиной; онъ видитъ въ себѣ *только* орудіе ея блага.

Намъ надо теперь вернуться назадъ, къ исходной точкѣ Кирѣевскаго. Тѣ оцѣнки и пожеланія, которыя мы сейчасъ слышали изъ его устъ, очевидно опирались на какія-то общія идеи философскаго или нравственнаго порядка. Каковы же были эти идеи? И, прежде всего, естественно спросить: почему онъ такъ высоко цѣнитъ горячность и ясность, присущія русскимъ, и активность, характеризующую въ его глазахъ европейцевъ. Былъ же у него какой-нибудь критерій оцѣнки,—какой?

Его заграничныя письма показываютъ, что у него была такая система идей, очень ясная и очень увѣренная. Она не могла быть результатомъ опыта и самостоятельнаго мышленія,—для этого онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Ближайшее разсмотрѣніе покажетъ, что это были даже вовсе не умозрительныя идеи, а облеченныя въ форму идей *пристрастія*, т. е. убѣжденія *чувственнаго* порядка, которыя въ такой цѣльной натурѣ, какъ Кирѣевскій, естественно должны были обозначиться очень рано и съ большой настойчивостью, тѣмъ болѣе, что при коренной психической однородности, какая существовала между нимъ и его родной семьей, эти пристрастія были совершенно подъ ладъ духу семьи и слѣдовательно освящались ею. Нравственныя оцѣнки, высказываемыя его матерью и братомъ въ ихъ письмахъ, до такой степени тождественны по общему духу его сужденіямъ, что если бы выписать ихъ, не называя писавшаго, часто невозможно было бы судить, кѣмъ изъ троихъ писаны тѣ строки. Но самая прочность этихъ пристрастій уже въ молодомъ Кирѣевскомъ и ихъ неизмѣнность за всю его жизнь свидѣтельствуютъ, что они были органическими въ немъ, а не привитыми, хотя бы и семьей.

Сердцевина всякаго міровоззрѣнія—это тотъ образъ совершенства, который предносится человѣку, причемъ одинаково характерны и положительныя, и отрицательныя черты этого образа. У Кирѣевскаго есть такой образъ-идеалъ, не выработанный размышленіемъ, а возникшій интуитивно и эстетически обожаемый: это образъ сочетанія въ человѣческой душѣ *стихійной силы* съ *порядкомъ*, иначе говоря — внутренно уравновѣшенный и разумомъ направляемый паѳосъ. „Страсть, — пишетъ онъ, — не слабость, но избытокъ силы; твердость не состоитъ и не должна состоять въ подавленіи страстей, но только въ ихъ направленіи и уравновѣшиваніи". Это значитъ, отрицательно, что не сила ума, не знанія и не активность дѣлаютъ человѣка совершеннымъ; сами по себѣ, врознь и въ совокупности, они ничто: они цѣнны лишь настолько, насколько помогаютъ уравновѣшенію и цѣлесообразному направленію стихійной силы въ человѣкѣ, и, напротивъ, они вредны, если умаляютъ эту силу или тормозятъ ея упорядоченіе. И дальше, цѣнно все—всякое переживаніе,—разъ оно способствуетъ *этому* дѣлу, и въ этомъ смыслѣ цѣнно страданіе. Узнавъ о горѣ, постигшемъ его брата (осенью 1829 г. Иванъ Васильевичъ посватался къ любимой дѣвушкѣ и полу-

чилъ отказъ), Кирѣевскій пишетъ ему: „И можетъ быть, — отдаленіе отъ всего роднаго особенно развило во мнѣ глубокое религіозное чувство, — можетъ быть даже и этотъ жестокій ударъ былъ даромъ неба. Оно мнѣ дало тяжелое, мучительное чувство, но вмѣстѣ чувство глубокое, живое; оно тебя вынесло изъ вялаго круга вседневныхъ впечатлѣній обыкновенной жизни, которая можетъ быть еще мучительнѣе. Оно вложило въ твою грудь пылающій угль“ [1]),—т. е. ударъ былъ благотворенъ, потому что *воспламенилъ* насъ обоихъ. И совершенно послѣдовательно Кирѣевскій всюду подчеркиваетъ преимущество жизненныхъ впечатлѣній предъ книжными. О своей заграничной жизни онъ не разъ пишетъ, что наибольшую пользу получилъ „отъ видѣннаго и слышаннаго, и вообще отъ испытаннаго“; собираясь въ Италію, онъ оправдывается тѣмъ, что „одинъ живой взглядъ на Италію обрисуетъ больше, нежели прочтеніе сотни умныхъ фоліантовъ: книги вездѣ, народы же и земли только на своихъ мѣстахъ“.

Теперь намъ ясно, почему онъ такъ высоко цѣнитъ русскую „горячность“ и „ясность“. То-есть, собственно говоря, суть дѣла все-таки остается непонятной. Въ этомъ его сужденіи о русскомъ народѣ, очевидно, двѣ части: абсолютная оцѣнка нѣкоторыхъ духовныхъ свойствъ, и констатированіе этихъ свойствъ какъ разъ у родного народа преимущественно предъ всѣми другими. Приходится спросить, какъ и вообще въ отношеніи всякой національной доктрины: что чему предшествовало? признаніе наличности извѣстныхъ качествъ у родного народа—возведенію этихъ качествъ въ идеалъ, или наоборотъ: признаніе извѣстныхъ качествъ идеальными—апоѳеозу родного народа, какъ несомнѣннаго обладателя этихъ качествъ? т. е. былъ ли русскій народъ для Кирѣевскаго по-милу хорошъ или по-хорошу милъ?—Вопросъ неразрѣшимый: здѣсь нечего искать логической послѣдовательности; это двѣ чувственныя оцѣнки, которыя въ своемъ словесномъ выраженіи разумѣется подлежатъ повѣркѣ и критикѣ какъ порознь, такъ и въ отношеніи ихъ взаимной связи, но въ томъ смыслѣ, какой онѣ здѣсь имѣютъ для насъ, т. е. психологически, являются элементарными фактами внутренней жизни Кирѣевскаго. Можетъ быть (и, я думаю, навѣрное) гдѣ-то въ глубинѣ личнаго духа у нихъ былъ общій корень; можетъ быть Кирѣевскій *видѣлъ* въ русскомъ народѣ то, что̀ *чаялъ въ самомъ себѣ* какъ глубочайшую наслѣдственную, т. е. національную возможность. Wär' unser Aug' nicht sonnenhaft, wie könnt' die Sonne es erblicken?

IV.

Въ первый день Рождества Кирѣевскій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Тютчевыхъ, гдѣ для дѣтей былъ устроенъ нѣмецкій Weihnachtsbaum; тамъ же встрѣтилъ и нѣмецкій новый годъ; русскій же, „одинъ для меня настоящій“, онъ встрѣтилъ дома, одинъ, растянувшись на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ и мыслями въ Москвѣ. Новый годъ обѣщалъ ему большую радость—свиданіе съ братомъ, котораго, послѣ пережитаго имъ потрясенія, родители и врачи уговорили ѣхать за границу. Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Берлинъ 10—22-го февраля (1830), и остался тамъ до конца семестра. Въ самомъ концѣ марта, захвативъ въ

[1]) Лясковскій, 22.

Дрезденѣ Рожалина, онъ пріѣхалъ съ нимъ къ брату въ Мюнхенъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ даетъ родителямъ отчетъ о томъ, въ какомъ состояніи нашелъ брата: „Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, какъ эта перемѣна ни значительна въ отношеніи къ прежнему, но она только начало для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что это счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять, — ему не доставало одного: опытности жизни, и это именно то, что онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и сообщительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо вредною, если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые, можетъ быть, сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка". Это слово насчетъ „сердечныхъ предразсудковъ" въ отношеніи Петра Кирѣевскаго было какъ нельзя болѣе вѣрно.

И. В. на весь лѣтній семестръ остался въ Мюнхенѣ. Отнынѣ братья вмѣстѣ слушаютъ лекціи, вмѣстѣ учатся итальянскому языку, посѣщаютъ Тютчевыхъ и Шеллинга, осматриваютъ окрестности Мюнхена. Въ сентябрѣ, по окончаніи семестра, Петръ Вас. съ Рожалинымъ съѣздили въ Вѣну, чтобы посмотрѣть ее, но застряли тамъ на мѣсяцъ слишкомъ, а когда пустились обратно въ Мюнхенъ, то на пути, въ Пассау, встрѣтили Ивана Васильевича, который, забывъ обо всѣхъ планахъ (братья проектировали на осень поѣздку въ Швейцарію или въ Италію или въ Парижъ), скакалъ въ Москву, встревоженный извѣстіями о разразившейся тамъ холерѣ. Послѣ этого и Петръ не усидѣлъ въ Мюнхенѣ: дней десять спустя, 28 октября, и онъ пустился въ путь, съ тѣмъ, чтобы, проведя дома нѣсколько мѣсяцевъ, вернуться „къ нѣмцамъ". Н. А. Елагинъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣевскаго" разсказываетъ, что Петръ Васильевичъ проѣхалъ чрезъ Варшаву наканунѣ мятежа и въ Кіевъ прибылъ, когда тамъ уже знали о возмущеніи; кіевской полиціи показалось подозрительнымъ, что „мюнхенскій студентъ", да еще съ польской фамиліей, спѣшитъ въ чумную Москву; ему не дали подорожной и генералъ-губернаторъ Княжнинъ потребовалъ его къ себѣ. Принявъ его строго и сухо, Княжнинъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ, и выслушавъ его объясненіе, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. Это взорвало генералъ-губернатора. „Стойте, молодой человѣкъ!—крикнулъ онъ.—Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете там у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?" „Если у васъ есть возможность это сдѣлать,—спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій,—

то вы не имѣете права это сдѣлать". Смущенный Княжнинъ тотчасъ отпустилъ Кирѣевскаго и въ тотъ же день велѣлъ выдать ему подорожную.

V.

Кирѣевскій больше не поѣхалъ въ Германію, почему—мы не знаемъ. Иванъ Васильевичъ тотчасъ по возвращеніи принялся хлопотать о журналѣ, который и началъ выходить съ января 1832 года (это былъ „Европеецъ", закрытый, какъ извѣстно, послѣ второй книжки). Петръ Васильевичъ въ концѣ 1831 года поступилъ на службу въ московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, актуаріусомъ при комиссіи по изданію грамотъ; въ этомъ ему помогъ Жуковскій, который, по просьбѣ Авдотьи Петровны, хлопоталъ за него предъ Нессельроде[1]). Однако въ Архивѣ ему было не по себѣ: директоръ Архива Малиновскій его не любилъ и держалъ его на неподходящей работѣ—на переводахъ „пашпортовъ, духовныхъ и тяжбъ разнымъ бродягамъ—Итальянцамъ, Англичанамъ, Нѣмцамъ", какъ писала Авдотья Петровна Жуковскому въ февралѣ 1832 г.[2]).

Но онъ уже нашелъ дѣло своей жизни. Еще изъ Мюнхена, въ январѣ 1830 г., онъ благодарилъ Максимовича за присылку какихъ-то пѣсенъ[3]), а въ этомъ самомъ письмѣ, которое я сейчасъ цитировалъ, отъ февраля 1832 года, Авдотья Петровна сообщаетъ, что онъ издаетъ „собраніе пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ еще не существовало, около 800 однихъ легендъ, т. е. стиховъ по ихнему". Позднѣе Кирѣевскій писалъ, что начало его собранію народныхъ пѣсенъ было положено въ 1830 году (онъ, можетъ быть, и разумѣетъ пѣсни, сообщенныя ему Максимовичемъ), но небольшое количество пѣсенъ, тогда имъ собранныхъ, по непредвидѣнному случаю пропало, и въ 1831 и 1832 г.г. онъ снова принялся записывать пѣсни съ голоса крестьянъ Московской губерніи[4]). „Когда онъ нынѣшнее лѣто", пишетъ А. П. въ томъ же письмѣ, „собиралъ въ Осташковѣ нищихъ и стариковъ и платилъ имъ деньги за выслушаніе ихъ не райскихъ пѣсенъ, то городничему показался онъ весьма подозрителенъ, онъ послалъ рапортъ къ губернатору; то же сдѣлали многіе помѣщики, удивленные поступками слишкомъ скромными такого чудака, который по несчастію называется студентомъ. Губернаторъ послалъ запросъ Малиновскому, а тотъ по обыкновенному благородству своего характера отвѣчалъ, что онъ Кирѣевскаго не знаетъ!"

Въ Архивѣ Кирѣевскій прослужилъ три съ лишнимъ года. Уже за-границей главнымъ предметомъ его занятій была исторія,—онъ и ѣхалъ туда, какъ сказано, съ цѣлью изучить средневѣковую исторію. Исторія на всю жизнь осталась его любимымъ занятіемъ. Онъ не думалъ объ обнародованіи своихъ трудовъ, даже не писалъ ничего, онъ только изучалъ добросовѣстно и кропотливо источники по русской исторіи—лѣтописи и акты; и, безъ сомнѣнія, именно эти

---

1) Уткинскій сборн., 54.

2) Тамъ-же, стр. 56.

3) *Рус. Арх.* 1905 V 131.

4) *Чтенія* въ Имп. Общ. исторіи и древн., М. 1848, № 9, предисловіе П. В. К. къ „Русскимъ народнымъ пѣснямъ".

изученія привязывали его къ Архиву. По всей вѣроятности, въ эти годы были переведены имъ съ англійскаго записки Самуила Коллинса о Россіи, напечатанныя много лѣтъ спустя въ Чтеніяхъ московскаго Общества исторіи и древностей (1846 г., кн. 1-ая). Переводъ этотъ, какъ сказано въ предисловіи, сдѣланъ съ экземпляра перваго изданія Коллинса, хранящагося въ библіотекѣ Архива иностранныхъ дѣлъ; а редакторъ Чтеній, въ примѣчаніи къ этому предисловію, говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ переводчикъ написалъ эти строки, прошло „много времени", и что въ промежуткѣ уже успѣлъ появиться (въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г.) другой переводъ сочиненія Коллинса (не съ подлинника, а съ французскаго перевода).—Литературная жизнь Москвы не захватывала Кирѣевскаго. Даже когда его братъ издавалъ „Европейца", П. В. помѣстилъ въ этомъ журналѣ только одну компилятивную статью—о современномъ состояніи Испаніи,—изложеніе статьи, напечатанной въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Послѣ поѣздокъ 1831 и 1832 года для собиранія пѣсенъ, онъ лѣтомъ 1834 года предпринялъ еще одну, послѣднюю такую поѣздку, въ бо́льшихъ размѣрахъ[1]). Исходнымъ пунктомъ былъ, повидимому, опять Осташковъ, уже знакомый ему по прежнимъ розыскамъ; отсюда онъ неутомимо разъѣзжалъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, съ мая до осени. Дошелъ до него слухъ о ярмаркѣ гдѣ-то въ Новгородской губерніи, которая должна продолжаться цѣлыхъ четыре дня—„стало быть можно надѣяться на добычу",—онъ отправляется туда, плыветъ 40 верстъ по Селигеру, потомъ ѣдетъ 25 верстъ на лошадяхъ; вернувшись изъ этого похода, оказавшагося неудачнымъ, онъ чрезъ два дня плыветъ верстъ за 12 отъ Осташкова на какой-то сельскій праздникъ, проводитъ тамъ три дня и вывозитъ оттуда 20 свадебныхъ пѣсенъ; и т. д. Въ концѣ іюля, оставивъ Осташковъ, онъ пустился по Старорусской дорогѣ, свернулъ въ сторону, чтобы посмотрѣть верховье Волги, заѣхалъ въ Старую Руссу, и оттуда на пароходѣ добрался до Новгорода. Здѣсь онъ не искалъ ни пѣсенъ, ни преданій: „здѣсь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселеніями, съ которыми даже и тѣнь поэзіи несовмѣстна"; но онъ хотѣлъ познакомиться съ еще богатою *каменной поэзіей* Новгорода. И какъ онъ умѣлъ чувствовать поэзію прошлаго—*русскаго* прошлаго! Онъ самъ становится поэтомъ, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Новгородомъ. Онъ увидѣлъ его съ Волховскаго моста въ первый разъ при заходѣ солнца; верстъ за 40 въ окрестностяхъ горѣли лѣса, и дымъ отъ пожарища доходилъ до города. „Въ этомъ дымѣ, соединившемся съ Волховскими туманами, пропали всѣ промежутки между теперешнимъ городомъ и окрестными монастырями, бывшими прежде также въ городѣ, такъ что городъ мнѣ показался во всей своей *прежней* огромности; а заходящее солнце, какъ исторія, свѣтило только на городскія башни, монастыри и соборы и на бѣлыя стѣны значительныхъ зданій; все мелкое сливалось въ одну безличную массу, и въ этой массѣ, соединенной туманомъ, было также что-то огромное. На другой день все было опять въ настоящемъ видѣ, какъ будто въ эту ночь прошли 300 лѣтъ, разрушившихъ Новгородъ". Онъ и комнату нанялъ себѣ въ Новгородѣ, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, съ

---

[1]) О ней см. его письма въ *Рус. Арх.* 1909 V, а также неизданныя.

видомъ на Кремль и Софійскій соборъ, „самое прекрасное зданіе, какое я видѣлъ въ Россіи“.

Весною 1835 года Авдотья Петровна съ дочерьми отправилась за границу лечиться; съ ними поѣхалъ и Петръ Васильевичъ, частью чтобы быть при нихъ, частью тоже пить воды, по совѣту врачей. Передъ отъѣздомъ, 1 мая, онъ вышелъ въ отставку, окончательно разставшись съ Архивомъ[1]). Онъ поѣхалъ на Петербургъ (А. П. уѣхала раньше) и пробылъ здѣсь нѣсколько дней, дружески принятый Жуковскимъ, Пушкинымъ и товарищами брата. Изъ Петербурга онъ поѣхалъ моремъ до Любека вмѣстѣ съ Н. И. Надеждинымъ, Княжевичемъ и Титовымъ, оттуда сушею на Гамбургъ, Кассель и дальше. Въ его письмахъ изъ этой поѣздки уже чувствуется та глубокая душевная усталость, которая затѣмъ больше не покидаетъ его. Онъ пишетъ брату: „Я не безъ удовольствія увидѣлъ опять Германію, которая оставила во мнѣ много воспоминаній дорогихъ и въ которой есть много глубоко поэтическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ я испыталъ и грустное чувство старика, который возвращается на мѣсто, давнымъ давно невиданное. Можетъ быть потому только и живы *первыя* впечатлѣнія, что съ ними соединена безотчетная надежда на неизмѣнность каждаго явленія, на вѣчность всего; а какъ скоро родится чувство суеты и ломкости,—то, что было бы прежде живымъ впечатлѣніемъ, становится холодной теоремой; вмѣсто того чтобы чувствовать *какъ это хорошо!* думаешь только—*что бы это значило?* и разумѣется тупѣешь ко всему внѣшнему, то есть старѣешься. Всегда грустно видѣть *иначе* то мѣсто, гдѣ было весело, и потому я все больше и больше убѣждаюсь, что настоящее счастье можетъ быть только въ одномъ *вѣчнооднообразномъ* движеніи. Но это чувство во мнѣ не новое, и ты его знаешь во мнѣ“. Эти строки драгоцѣнны, потому что они открываютъ намъ тайную сторону душевной жизни Кирѣевскаго. Онъ являлся предъ людьми спокойнымъ, благожелательнымъ—и никто не зналъ, какъ страстно, какъ болѣзненно-чутко онъ жилъ внутри, какой острой болью отзывались въ немъ на видъ обыденныя впечатлѣнія. Эта буддійская жажда покоя, которая слышится въ томъ письмѣ,—не равнодушіе къ жизни, а усталость сердца слишкомъ чувствительнаго и изъязвленнаго жизнью. Каждую радость приходится хоронить,—лучше ужъ не надо радостей. Такъ и Лермонтовъ проклялъ радость, потому что она бренна[2]) Кто дешевле расплачивается за свои чувства, разумѣется, такъ не разсуждаетъ.

Осенью Кирѣевскій вернулся въ Россію[3]). 1836 годъ ушелъ у него на хозяйственныя хлопоты: ему пришлось взять на себя семейный раздѣлъ. Задача оказалась нелегкой, главнымъ образомъ, повидимому, изъ за алчности и мелочности жены брата, Натальи Петровны. На каждомъ шагу возникали гадкія дрязги, и нужны были вся деликатность и безкорыстіе Петра Васильевича, чтобы

---

[1]) Лясковскій, 52.

[2]) Это странное сходство П. В. Кирѣевскаго съ Лермонтовымъ поразительно подтверждается словами А. П. Елагиной, лично знавшей Лермонтова; много лѣтъ спустя она сказала П. А. Висковатову: „Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться съ сыномъ моимъ Петромъ—у нихъ нѣкоторые взгляды были общіе“ (*Біографія* Лермонтова, въ его *Соч.*, подъ ред. П. А. Висковатова, М. 1891, т. VI, стр. 369).

[3]) В. Лясковскій, стр. 53, ошибочно говоритъ, что П. В. пробылъ за границею годъ; см. его письма въ *Русск. Арх.* 1905 V 150—151.

мирно все уладить. Вообще это было для него и, повидимому, для всей семьи, трудное время. „Моя молитва,—пишетъ онъ матери[1]),—объ одномъ: дай Богъ намъ всѣмъ *бодрости* и *здоровья*! тогда все будетъ; Провидѣніе есть, и нашъ корабль не безъ Кормчаго. Наконецъ все таки жъ одолѣетъ не ложь, а правда. А буря этихъ послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ можетъ быть намъ и не казнь, а благо. На себѣ я по крайней мѣрѣ чувствую, что она смыла съ меня много грѣха; и въ замѣнъ того, что у меня прошла охота смѣяться, я научился цѣнить многое, чего прежде не понималъ". Долбино досталось Ивану Васильевичу, а Петру—та деревня подъ Орломъ, гдѣ онъ ребенкомъ жилъ съ родителями въ 1812 году передъ смертью отца,—Кирѣевская Слободка. Въ январѣ 1837 года онъ въ первый разъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ хозяина[2]). Къ осени онъ отстроилъ себѣ въ Слободкѣ новый домъ, но еще не успѣлъ обжить его какъ слѣдуетъ и упорядочить запущенное хозяйство, какъ принужденъ былъ надолго покинуть Слободку: въ мартѣ 1838 года онъ поѣхалъ въ Симбирскую губернію выручать Языкова (поэта), съ которымъ былъ связанъ почти братскою дружбою[3]). Языковъ былъ тогда уже очень боленъ; надо было почти насильно увезти его изъ деревни въ Москву для консультаціи съ врачами; а когда московскіе врачи предписали больному Маріенбадскія воды, Петръ Васильевичъ поѣхалъ съ нимъ и ухаживалъ за нимъ (Языковъ почти не двигался) какъ любящая сестра, въ Маріенбадѣ и потомъ въ Ганау, до конца года, когда его смѣнилъ братъ Языкова; въ Россію П. В. вернулся только весною 1839 года[4]). Съ тѣхъ поръ онъ уже ни разу не отлучался надолго изъ Слободки, но почти каждую зиму нѣкоторое время проводилъ въ Москвѣ, гдѣ даже купилъ себѣ небольшой домъ на Остоженкѣ, и часто ѣздилъ то въ Долбино къ брату, то въ Бунино или Петрищево къ матери.

VI.

Этотъ третій и послѣдній періодъ жизни Кирѣевскаго (считая въ первомъ дѣтство и юность, до поѣздки въ Мюнхенъ, во второмъ годы возмужалости до осѣдлаго поселенія въ Слободкѣ, т. е. 1829—1839), продолжался семнадцать лѣтъ. Семнадцать лѣтъ невиднаго, упорнаго, кропотливаго труда, напоминающаго трудъ одинокаго рудокопа, который по одному ему вѣдомымъ признакамъ отыскиваетъ золотоносную жилу. Точно груды земли, выброшенныя изъ глубины на поверхность лопатой, накоплялись цѣлыя корзины выписокъ и замѣтокъ—результатъ пристальнаго изученія и сличенія лѣтописей, актовъ, изслѣдованій; накоплялись громадныя знанія, глазъ изощрялся *видѣть* въ подземной темнотѣ прошлаго, и, что̀ главное, все явственнѣй обозначались предъ взоромъ основныя линіи этого прошлаго—*строй русскаго національнаго духа*, чего именно и искалъ Кирѣевскій. Онъ интуитивно зналъ этотъ строй въ его цѣлостной полнотѣ и любилъ его во всѣхъ его проявленіяхъ; но ему нужно было

---

[1]) Рукоп. письмо отъ 6 августа, изъ Орла. Я отношу это письмо къ 1837 году изъ-за упоминанія о *предстоящей* постройкѣ дома; см. ниже въ текстѣ.

[2]) В. Лясковскій, стр. 53—54.

[3]) Его письма оттуда—въ *Рус. Арх.* 1905 V 152 и дальше.

[4]) В. И. Шенрокъ, *Н. М. Языковъ*, В. Евр. 1897 декабрь, стр. 612—614.

еще узнать его иначе—сознательно или научно, и показать его другимъ и заставить ихъ полюбить его, какъ онъ любилъ. Оттого онъ изучалъ лѣтописи, и оттого собиралъ пѣсни, чтобы сохранить ихъ, и чтобы познакомить съ ними русское образованное общество,—именно съ этой двоякою цѣлью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ розысковъ и размышленій онъ выработалъ себѣ опредѣленный взглядъ на прошлое русскаго народа, т. е. по-своему ретроспективно вывелъ это прошлое изъ основныхъ свойствъ русскаго національнаго духа. Но возстановить его мысль невозможно, потому что онъ ни разу не изложилъ ея въ сколько-нибудь связномъ видѣ. Онъ самъ выразился однажды (въ письмѣ къ Кошелеву), что, несмотря на все его желаніе писать какъ можно больше, кажется, какъ-будто сама природа привязала камень къ его перу,—и это, говоритъ онъ, „совсѣмъ не отъ смиренія и не отъ излишней совѣстливости, а частью отъ непривычки излагать свою мысль на бумагу, частью же и отъ самаго свойства моихъ занятій, т. е. раскапыванія старины, при которомъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлою фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее донельзя".—Только однажды онъ выступилъ въ печати съ частичнымъ изложеніемъ своихъ мыслей о русской исторіи, да и то по случаю, и съ обѣщаніемъ „окончанія въ слѣдующей книжкѣ", каковаго окончанія никогда и не послѣдовало. Я разумѣю его полемическую статью противъ Погодина въ „Москвитянинѣ" за 1845 годъ, когда этотъ журналъ редактировался его братомъ, Иваномъ Васильевичемъ.

Его самого, видимо, мучила эта непродуктивность. Еще болѣе, въ теченіе многихъ лѣтъ, терзался онъ мыслями о судьбѣ своего собранія народныхъ пѣсенъ. Мы видѣли, что уже въ 1832 году онъ готовилъ къ печати собранный имъ къ тому времени матеріалъ. Но годъ шелъ за годомъ, онъ ничего не печаталъ. Его собраніе безостановочно росло. Онъ самъ въ своихъ многочисленныхъ переѣздахъ по разнымъ сторонамъ Россіи никогда не упускалъ случая записывать изъ народныхъ устъ пѣсни, преданія, пословицы и пр., и отовсюду стекались къ нему пѣсни, записанныя съ голоса-же людьми, лично близкими къ нему или понимавшими важность его предпріятія. Такъ, семья Языковыхъ доставила ему огромное, по его словамъ [1]), собраніе пѣсенъ Симбирской и Оренбургской губерній, Пушкинъ — тетрадь пѣсенъ Псковской губ., Снегиревъ — Тверской и Костромской, Кольцовъ — Воронежской, Кавелинъ — Тульской и Нижегородской, Вельтманъ—Калужской, Шевыревъ—Саратовской, Рожалинъ — Орловской, А. Н. Поповъ—Рязанской, Трубниковъ—Тамбовской, Гудвиловичъ—Минской, Даль — изъ Пріуралья, Гоголь — изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и т. д. Онъ собиралъ пѣсни и по заказу, за деньги, и преимущественно этимъ способомъ добылъ до 500 народныхъ пѣсенъ изъ бѣлорусскихъ областей. Онъ пріучилъ къ этому дѣлу М. А. Стаховича, и онъ-же толкнулъ на этотъ путь въ началѣ 1840-хъ годовъ П. И. Якушкина, тогда студента-математика въ Москвѣ: Якушкинъ на его средства обошелъ Костромскую, Тверскую, Рязанскую, Туль-

---

[1]) Предисловіе П. В. К. къ „Русскимъ народнымъ стихамъ" въ *Чтеніяхъ* Имп. Общ. исторіи и древностей, М. 1848, № 3, стр. IV—VI.

скую, Калужскую и Орловскую губерніи,—и огромный матеріалъ, добытый имъ, вошелъ въ собраніе Кирѣевскаго.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ П. В. съ неослабѣвающей любовью трудился надъ пѣснями. Этотъ трудъ сопровождалъ его всюду; онъ корпитъ надъ пѣснями и въ Симбирской деревнѣ Языкова, и на водахъ за-границею. А было отъ чего охладѣть. Самый способъ его работы: установленіе идеальнаго текста пѣсни съ подведеніемъ *всѣхъ* варіантовъ, требовалъ неимовѣрной усидчивости и крайне утомительнаго напряженія мысли; работа подвигалась черепашьимъ шагомъ. Добро бы еще онъ могъ, по мѣрѣ изготовленія матеріала, безпрепятственно выпускать его въ свѣтъ; но при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ это оказывалось невозможнымъ. Чрезъ 12 лѣтъ послѣ перваго замысла о печатаніи дѣло еще не подвинулось ни на пядь; въ 1844 году братъ Иванъ Васильевичъ писалъ ему изъ деревни въ Москву[1]): „Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а что̀ весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя* пѣсни, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ“. Наконецъ, въ 1848 году послѣ многихъ хлопотъ удалось напечатать 55 духовныхъ „стиховъ“ въ „Чтеніяхъ“ Общества исторіи и древностей (кн. 9-ая), какъ *часть первую* „Русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Петромъ Кирѣевскимъ“. Очевидно, предполагалось дальнѣйшее печатаніе, но на „Чтенія“ въ томъ же году обрушилась цензурная кара (за напечатаніе перевода книги Флетчера о Россіи). Затѣмъ еще только въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 года и въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856-го, кн. I, было напечатано по нѣсколько пѣсенъ изъ собранія Кирѣевскаго: въ первомъ четыре, во второй—двѣнадцать. Такимъ образомъ, при жизни Кирѣевскаго увидѣли свѣтъ только 71 пѣсня изъ нѣсколькихъ тысячъ, имъ собранныхъ. Какъ-разъ послѣ 1848 года очень усилилась строгость въ отношеніи печатанія памятниковъ народнаго творчества[2]).

Языковъ мѣтко назвалъ Кирѣевскаго (въ стихотворномъ посланіи къ нему): *Своенародности подвижникъ просвѣщенный*. Онъ былъ несомнѣнно одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, даже въ европейскомъ смыслѣ; довольно сказать, что онъ говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Онъ внимательно слѣдилъ за западной исторической литературой, неукоснительно читалъ аугсбургскую Allgemeine Zeitung, и т. п.; въ его библіотекѣ, которую онъ старательно собиралъ всю жизнь, было представлено, если считать славянскія нарѣчія, шестнадцать языковъ,—„огромное количество книгъ, болѣе всего историческихъ, тщательно подобранныхъ, заботливо переплетенныхъ, съ надписью почти на каждой его

[1]) „Матеріалы для біографіи И. В. К.“, при Собр. его соч., 2-е изд., т. I, стр. 69.
[2]) „Русская печать и цензура“, Вл. Розенберга и В. Якушкина, М. 1905, стр. 66—68.

бисернымъ почеркомъ „П. Кирѣевскій“, со множествомъ вложенныхъ въ нихъ листочковъ, исписанныхъ замѣчаніями (и нигдѣ не исписанныхъ по полямъ)“ [1]). Онъ хорошо рисовалъ, страстно любилъ музыку и, кажется, самъ недурно игралъ на фортепіано. Я видѣлъ вырѣзанные имъ прелестные силуэты Баратынскаго, Чаадаева, Пушкина, Рожалина, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и многихъ другихъ [2]).

Онъ болѣлъ невѣжествомъ русскаго общества, горячо привѣтствовалъ всякія просвѣтительныя начинанія и самъ дѣлалъ въ этомъ направленіи, что̀ могъ. Уже незадолго до смерти онъ рѣшилъ приступить къ изданію систематической переводной библіотеки по исторіи западно-европейскихъ странъ, и съ этой цѣлью роздалъ книги для перевода близкимъ къ нему людямъ. „Себѣ, — пишетъ онъ,—я выгородилъ кругъ книгъ, съ которыми надѣюсь и самъ сладить и которыя удовлетворятъ, по крайней мѣрѣ, самой насущной современной потребности. А именно: краткія исторіи всѣхъ народовъ съ ихъ статистиками и полная ученая литература Славянскихъ народовъ; но для понятія второй необходимо нужны прежде первыя“ [3]). Въ своей „своенародности“ онъ не боялся просвѣщенія; напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что оно и есть вѣрнѣйшій путь къ своенародности. Такъ, увлеченіе публики итальянской музыкой его не только не огорчало, какъ вѣроятно Шевырева или Погодина, но радовало; „слава Богу, говорилъ онъ; только бы полюбили какую-нибудь музыку, тогда поймутъ народную, придутъ къ своей“ [4]). Этому убѣжденію онъ оставался вѣренъ во всемъ. Заблужденія Бѣлинскаго должны были казаться ему вопіющими; и тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ прочихъ славянофиловъ, онъ цѣнилъ его дѣятельность, будившую мысль и чувство въ русскомъ обществѣ [5]).

И другое слово Языкова вѣрно: онъ дѣйствительно былъ подвижникомъ, и не только въ своей работѣ. Тому, кто не читалъ его писемъ, невозможно дать представленіе объ удивительной простотѣ и скромности этого человѣка, о его врожденной, такъ сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно, — что случайно есть, то и хорошо. Мысль о такъ называемомъ личномъ счастіи вѣроятно никогда не приходила ему въ голову; онъ жилъ для другихъ и для дѣла своей совѣсти.

А онъ обладалъ богатыми задатками для радости и счастія, не только потому, что былъ умственно даровитъ, но и потому, что сердце у него было горячее и нѣжное. Если онъ кого любилъ, то ужъ любилъ нераздѣльно, и въ любовь свою вкладывалъ и всю женскую трепетность, и всю мужскую крѣпость своей души. Такъ любилъ онъ брата Ивана, мать, ея дѣтей отъ Елагина,—слишкомъ любилъ, съ непрестанной болѣзненной тревогой за нихъ. Онъ никогда не былъ женатъ, и не потому, что такъ случилось, а потому что онъ такъ рѣшилъ; онъ какъ-то писалъ брату: „Ты знаешь, что другихъ дѣтей, кромѣ твоихъ, я не хочу, и у меня не будетъ“; я думаю, онъ боялся взять на себя крестъ новой любви, къ женѣ и дѣтямъ, потому что всякая любовь обходилась ему дорого. Такъ-же

---

1) Лясковскій, стр. 58.

2) Въ одномъ изъ альбомовъ Авд. Петр. Елагиной, принадлежащихъ теперь М. В. Беэръ.

3) Письмо отъ 13 дек. 1854 г., *Р. Арх.* 1905 V 173. Онъ перевелъ тогда книгу Ваш. Ирвинга о Магометѣ; этотъ переводъ былъ изданъ семьею уже послѣ его смерти, въ 1857 году.

4) „Воспоминаніе“ А. Марковича, *Рус. Бес.* 1857 II 21.

5) Тамъ-же, 22.

любилъ онъ и друзей. Выше уже было упомянуто, что̀ онъ сдѣлалъ для больного Языкова: увезъ его изъ деревни въ Москву и потомъ за-границу и тамъ многіе мѣсяцы выхаживалъ его. Послѣ его отъѣзда изъ Ганау Языковъ писалъ о немъ: „Итакъ ровно годъ жизни пожертвовалъ онъ мнѣ, промѣнялъ сладостные труды ученаго на возню съ больнымъ, на хлопоты и заботы самыя прозаическія. За терпѣніе, которымъ онъ побѣждалъ скуку лазаретнаго странствованія и пребыванія со мной, за смиреніе, съ которымъ переносилъ онъ мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми умилялся я въ минуты моихъ страданій и болѣзненной досадливости, за все это, чѣмъ онъ меня бодрилъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, за все да наградитъ его Богъ своей благостью“ [1]). И точно такъ-же онъ ухаживаетъ за Титовымъ, захворавшимъ въ пути, и довозитъ его до Касселя, уклоняясь отъ своей дороги, нянчится съ Погодиными, когда была больна жена Погодина, и пр. А какъ онъ вообще относился къ людямъ, можетъ показать слѣдующій случай. Въ 1841 году у него работалъ землемѣръ, по размежеванію его Кромскаго имѣнія; въ декабрѣ, кончивъ работу, землемѣръ этотъ пріѣзжаетъ въ Кирѣевскую слободку съ просьбою къ Петру Васильевичу позволить ему остаться въ его домѣ до весны „за дороговизною орловской жизни“. „А я,—жалуется П. В., — не нашелъ въ головѣ никакой благовидной причины ему отказать; и такимъ образомъ онъ остался у меня на шеѣ, и съ женою, и съ помощниками. Вотъ невыгода большого дома. Въ другое время это мнѣ было бы ничего, потому что его содержаніе обойдется недорого, и онъ хорошій малый; но именно теперь, когда бы я желалъ не видать ни одного человѣческаго лица, это совсѣмъ не кстати. Я объявилъ ему по крайней мѣрѣ, что хочу быть одинъ и что соглашаюсь оставить его только на томъ условіи, чтобы мнѣ запереться въ моей половинѣ и чтобы онъ не дивился, если даже не буду выходить съ нимъ обѣдать. Попробую, а если все это не поможетъ, то поищу другаго средства остаться внѣ людскихъ физіономій“. Однако весною землемѣръ не уѣхалъ, а въ іюнѣ (значитъ 1842 года) Кирѣевскій уже изъ Москвы, гдѣ у него, какъ сказано, тоже былъ свой домъ, сообщаетъ матери: „Я еще, кажется, не писалъ къ вамъ, что мой домъ наполнился гостями. Верхній этажъ ужъ недѣли три какъ наполнился дамами, а нижній этажъ наполняется кавалерами. Дамами по слѣдующему случаю. У того землемѣра, что жилъ у меня въ Слободкѣ, умеръ своякъ, жившій въ Дмитровѣ и при которомъ жила его мать. Отъ этого все семейство осталось на попеченіи землемѣра, и онъ долженъ былъ нанять имъ квартиру въ Москвѣ. Узнавши объ этомъ, я просилъ его жену, которая пріѣзжала за этимъ на нѣсколько дней въ Москву, чтобы ихъ семейство покуда остановилось у меня впредь до продажи дома. Такимъ образомъ и живутъ у меня наверху дамы, состоящія изъ матери и молодой вдовицы, обѣ больныя“. Неизвѣстно, сколько времени оставались эти дамы въ московскомъ домѣ Кирѣевскаго,— домъ онъ продалъ только въ 1846 году,—но землемѣръ „съ женою и помощниками“ прожили въ Кирѣевской Слободкѣ до самой смерти Петра Васильевича, т.-е. лѣтъ 15 [2]).

---

[1]) В. И. Шенрокъ, цитир. статья, *В. Евр.* 1897 дек., стр. 614.

[2]) См. письма П. В. К. въ *Рус. Арх.* 1905 V стр. 160—161.

Какое обаятельное впечатлѣніе онъ производилъ на людей, объ этомъ мы еще теперь можемъ судить по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его. Стòитъ привести эти отзывы—они полнѣе обрисуютъ его личность. Они всѣ единодушны безъ исключенія; нѣтъ разницы между тѣми, которые были написаны при его жизни, и тѣми, которые были написаны послѣ его смерти. Тотчасъ послѣ его смерти, въ газетномъ некрологѣ, К. Д. Кавелинъ писалъ о немъ[1]): „Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, безпримѣрное и неизмѣнное прямодушіе и простота дѣлали этого замѣчательнаго человѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тѣ, которые не раздѣляли его мнѣній и не сочувствовали его убѣжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубоко-поэтической и глубоко-религіозной натуры". И точно: не только Хомяковъ называлъ его „чудной и чистой душою", но и Герценъ преклонялся предъ его благородствомъ. Въ 1840 году Грановскій писалъ о немъ: „Странный, но замѣчательно умный и благородный человѣкъ", и еще въ 1855 году, когда они давно разошлись и принадлежали къ враждебнымъ лагерямъ[2]), Грановскій только за нимъ, да еще за И. С. Аксаковымъ, признавалъ „живую душу и безкорыстное желаніе добра"[3]). Другой „врагъ", И. С. Тургеневъ, въ тѣ же поздніе годы дружилъ съ Кирѣевскимъ: „На-дняхъ я былъ въ Орлѣ,—пишетъ онъ,—и оттуда ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности—его нельзя не полюбить"[4]). Но еще больше выигрывалъ онъ—чтò рѣдко бываетъ—при близкомъ знакомствѣ: людямъ, имѣвшимъ съ нимъ въ теченіе долгаго времени ежедневное общеніе, онъ внушалъ чувство близкое къ благоговѣнію, какъ это видно по воспоминаніямъ о немъ А. Марковича и П. И. Якушкина[5]).

По внѣшности П. В. Кирѣевскій былъ „простой степной помѣщикъ—съ усами, въ венгеркѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ неотступно слѣдовавшимъ за нимъ всюду водолазомъ Киперомъ, котораго крестьяне называли „ктиторомъ" (Кирѣевскій любилъ охоту)[6]); а по своему общественному облику онъ былъ—„дворянинъ, не служащій, вѣчно водящійся съ простымъ народомъ, пренебрегающій всѣми условіями высшаго тона, одѣтый въ святославку, въ кружокъ остриженный,—вмѣстѣ съ этимъ аскетъ (*ветхопещерникъ*, какъ называлъ его поэтъ Языковъ), человѣкъ глубоко образованный, прямой, честный, страстно любящій свой народъ и мучительно ожидающій избавленія Израилю"[7]).

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1856, № 242.

[2]) Они разошлись въ 1844 году изъ за извѣстнаго стихотворенія Языкова „Къ не-нашимъ"; дѣло тогда едва не дошло до дуэли между П. В. и Грановскимъ. См. Герценъ, *Соч.*, женев. изд. т. I, стр. 263 (подъ 10 января 1845 г.).

[3]) „Т. Н. Грановскій и его переписка", М. 1897, т. II, стр. 402 и 457.

[4]) Письмо отъ 6 марта 1853 г. „Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ", *В. Евр.* 1894, февраль, стр. 469.

[5]) А. Марковичъ, „Воспоминаніе о П. В. К." *Рус. Бес.* 1857, кн. II, стр. 17—23.—*Сочин.* П. Якушкина, Спб. 1884, стр. 462 и дальше.

[6]) Лясковскій, стр. 58.

[7]) Э. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, въ статьѣ „Славянофилы", *Р. Арх.* 1873, т. II, стр. 2492—3.

VII.

Если личность Киръевскаго еще можетъ быть съ нѣкоторой отчетливостью обрисована на основаніи стороннихъ разсказовъ о немъ и его собственныхъ многочисленныхъ писемъ, то и тѣ, и другія почти ничего не даютъ для характеристики его идей; самъ же онъ во всю свою жизнь написалъ для печати (если не считать переводовъ и т. п.) меньше страницъ, нежели наберется въ этой моей статьѣ о немъ. Поэтому возстановить его міровоззрѣніе вполнѣ—нѣтъ никакой возможности.

Но вотъ два факта, которые могутъ считаться достаточно засвидѣтельствованными: современники единогласно сообщаютъ, что Петръ Кирѣевскій исповѣдовалъ идеи позднѣйшаго славянофильства еще въ началѣ 1830-хъ годовъ, т. е. едва выйдя изъ юношескаго возраста и раньше всѣхъ славянофиловъ, и, далѣе, что ни въ одномъ изъ его единомышленниковъ это ученіе не достигло такой абсолютной цѣлостности, какъ въ немъ. Кавелинъ называетъ его первымъ по времени представителемъ славянофильства, и говоритъ, что въ ту раннюю пору ему сочувствовали только Хомяковъ и Языковъ, братъ же Иванъ сначала не раздѣлялъ его мнѣній[1]). Въ эпоху „Европейца" (1832) ихъ раздѣляла цѣлая пропасть; мы сами еще можемъ убѣдиться въ этомъ, сравнивая статью Ивана Васильевича „Девятнадцатый вѣкъ", напечатанную въ „Европейцѣ", съ тогдашними и даже болѣе ранними (мюнхенскими) письмами Петра. Н. А. Елагинъ, ихъ младшій братъ, пишетъ: „Онъ (П. В.) долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательностью въ человѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои Европейскія мнѣнія съ упорнымъ Славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ, состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и свѣденій, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси"[2]). Но и впослѣдствіи, когда между братьями установилось полное согласіе въ основныхъ чертахъ міровоззрѣнія, мысль Ивана Васильевича никогда не достигала той полноты, той безстрашной послѣдовательности до самаго конца, какъ мысль Петра. Въ декабрѣ 1844 года Герценъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно оконченнѣе Петра Васильевича — это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенціею исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность"[3]).

---

[1]) *Собр. соч.* К. Д. Кавелина, т. III, стр. 1120.

[2]) „Матеріалы для біогр. И. В. К.", въ *Собр. соч.* И. К., 2-е изд., стр. 62.

[3]) *Соч.* А. И. Герцена, женевское изд., т. I, стр. 255.

Оба эти факта: и раннюю оформленность, и незыблемую крѣпость убѣжденій Петра Кирѣевскаго мы должны были бы увѣренно предположить и безъ свидѣтельства очевидцевъ, потому что таковы неизмѣнные признаки всякаго *органическаго* убѣжденія. Я говорилъ уже, что мысль, наполнившая жизнь Кирѣевскаго, вовсе не была мыслью, но прирожденной ему вѣрою и увѣренностью, которая корнями уходила далеко въ глубь русской исторіи и русской національной психики, и которая въ немъ самомъ была двояко-цѣлостна, какъ субъективная настроенность личнаго духа, и какъ объективное убѣжденіе. То же самое должно сказать обо всемъ славянофильствѣ; оно вовсе не было, какъ пытались доказать, отвлеченной теоріей, выведенной умозрительно и частью заимствованной у нѣмецкихъ мыслителей: въ немъ обрѣла себѣ голосъ народная стихія, а философская аргументація, Шеллингизмъ, историческія изысканія и даже самое православіе явились только логическими подпорками для интуитивнаго знанія, въ видахъ его оправданія и доказательства ad extra. Они всѣ—и Иванъ Кирѣевскій, и Хомяковъ, и Кошелевъ, и Самаринъ—были въ своемъ мышленіи каналами, чрезъ которые въ русское общественное сознаніе хлынуло вѣками накоплявшееся, какъ подземныя воды, міросознаніе русскаго народа. Между ними Петръ Кирѣевскій былъ тотъ, чрезъ котораго лилась самая чистая и, можетъ быть, самая мощная струя.

Я попытаюсь изложить мысли Кирѣевскаго въ связной формѣ, насколько это допускается отрывочностью нашихъ свѣдѣній, и затѣмъ приведу тѣ матеріалы, которые дадутъ возможность всякому частью провѣрить, частью пополнить догадками мое изложеніе. Повидимому, ядромъ его міровоззрѣнія была слѣдующая мысль: правда-истина ни однимъ человѣкомъ не можетъ быть добыта единолично; она есть продуктъ коллективной жизни народа въ его пространственной и временной цѣлости, другими словами, она неотъемлемо присуща общенародной традиціи, и въ иномъ видѣ не существуетъ. Еще иначе это положеніе, съ точки зрѣнія Кирѣевскаго, можетъ быть выражено такъ: живая истина неотъемлемо присуща соборной апостольской церкви въ ея преемственномъ бытіи. Отсюда вытекаютъ для него послѣдствія огромной практической важности: во-первыхъ, неприкосновенность традитивнаго развитія націи; во-вторыхъ, безусловная независимость церкви, какъ хранительницы преданія въ его чистѣйшей формѣ; въ третьихъ, внутренняя немощность всякаго бытія, отщепленнаго отъ общенародной жизни и, въ частности, отъ церкви. Отсюда слѣдуетъ, что Петръ, пресѣкшій преемственное развитіе русскаго народа, подчинившій церковь свѣтской державѣ и положившій начало отпаденію образованныхъ классовъ отъ народнаго ствола, причинилъ величайшій вредъ Россіи. Петра Кирѣевскій ненавидѣлъ до такой степени, что, говорятъ, не на шутку огорчался тѣмъ, что самъ носилъ его имя [1]). Отсюда слѣдовало, наконецъ, что отъ Петра Россія поражена тяжелымъ недугомъ, тогда какъ до него она жила здоровой народной жизнью. Россія неудержимо идетъ къ своей гибели, но исцѣлить ее не могутъ никакія частичныя улучшенія: только тогда, когда не будетъ въ ней никакой иной власти, кромѣ власти единой соборной церкви, когда въ этой церкви сольется весь народъ—образованные и необразованные, и когда эта всенародная

---

[1]) Буслаевъ, *Мои воспоминанія*, М. 1897, стр. 294.

церковь возстановитъ въ полнотѣ утраченное церковно-народное преданіе, чтобы въ немъ продолжать развитіе, прерванное Петромъ,—только тогда исцѣлится Россія. Итакъ, идеалъ Кирѣевскаго—теократическая республика. Герценъ былъ правъ, когда говорилъ о трагической грандіозности его міровоззрѣнія. Нижеслѣдующія строки покажутъ, какъ глубоко онъ ненавидѣлъ всякій абсолютизмъ, и въ особенности *нѣмецко-русскій*.

Среди неизданныхъ бумагъ П. В. Кирѣевскаго сохранилось два листка,—одинъ исписанный имъ самимъ, другой—рукою Кошелева. Вотъ текстъ перваго, собственноручнаго листка,—его мысли, или афоризмы.

„Равенство всѣхъ вѣръ значитъ не что иное, какъ угнетеніе всѣхъ вѣръ въ пользу одной, языческой: *вѣры въ государство*.

„У насъ есть безчисленное множество свидѣтельствъ, какъ мало человѣкъ можетъ довѣрять собственнымъ силамъ. Доказательствомъ могутъ служить даже старцы, нераздѣльно посвящавшіе всѣ свои силы на борьбу съ своими собственными страстями и не смѣвшіе однакоже вести эту борьбу одиноко, безъ опоры испытанныхъ руководителей и товарищей. Много объ этомъ сказано премудрыхъ словъ и св. отцами, и даже въ самомъ Писаніи. Исторія и современность подтверждаютъ то же.—И не смотря на то еще есть люди, которые думаютъ, что верхъ государственной премудрости—предоставить судьбу народа, и даже церкви, безпрепятственному произволу страстей и прихотей одного человѣка.

„Паписты вѣрятъ въ непогрѣшаемость папы; протестанты—въ непогрѣшаемость обще-человѣческаго разума; православные—въ непогрѣшаемость *соборной апостольской* церкви.

„Говорятъ, что не можетъ быть народъ безъ единаго, самовластнаго правителя, какъ стадо не можетъ быть безъ пастуха.—Но пастухъ надъ стадомъ—*человѣкъ:* онъ по самому естеству выше стада, а потому и законный его правитель. Безумно было бы надѣяться на цѣлость стада, еслибы стадомъ быковъ правилъ быкъ, или стадомъ барановъ—баранъ. (Итакъ) Не ясно-ли, что это уподобленіе ложное? и кто же, кромѣ Бога, во столько выше человѣка по самому естеству своему, во сколько человѣкъ выше стада животныхъ? Чтобы человѣку стать на это мѣсто, нужно—либо ему возвыситься до Бога, либо народу унизиться на степень животныхъ.

„Говорятъ, что *образованный* долженъ править надъ *необразованными*. Но кто же поставленъ судьею и цѣнителемъ *образованности?* И по какому *образу* эта *образованность?*

„Говорятъ, что господство одного племени надъ другимъ основано на перевѣсѣ физическихъ и умственныхъ силъ, и особенно умственныхъ. Такъ порода Инковъ была физически и умственно выше перуанцевъ, и потому надъ ними господствовала; такъ англичане господствуютъ въ Индіи и Китаѣ.—Въ этомъ

мнѣніи есть правда. Но только эта духовная сила основана не на *образованности*. Это слово, такъ же какъ и слово *просвѣщеніе*, понято очень ложно. Доказательство—духовный перевѣсъ варваровъ надъ *образованнымъ* и *просвѣщеннымъ* Римомъ. Когда это господство естественно—оно и безропотно. Но господство бываетъ и не всегда законное, а иногда основано на ухищреніи *темной силы*. Только одной послѣднею можетъ быть объясненъ перевѣсъ европейскихъ нѣмцевъ надъ русскими словянами".

Другой листокъ, писанный рукою А. И. Кошелева, озаглавленъ: *Мысли П. В. Кирѣевскаго.*

„Языкъ родной процвѣтать не можетъ безъ полноты національной жизни. Что же такое національная жизнь? Она, какъ и все живое, неуловима ни въ какія формулы. Преданіе нужно. Выдуманная національность, національные костюмы, обычаи, остановленные въ извѣстную минуту, перемѣняютъ свой смыслъ и становятся китайствомъ.

„Полнота національной жизни можетъ быть только тамъ, гдѣ уважено преданіе и гдѣ просторъ преданію, слѣдовательно и просторъ жизни. У насъ она парализована нашимъ пристрастіемъ къ иностранному. Большая часть изъ насъ въ дѣтствѣ воспитываются иностранцами, въ обществѣ говорятъ не иначе какъ по французски, и когда читаютъ, то читаютъ исключительно книги иностранныя. А потому удивительно ли, если все родное больше или меньше намъ становится чуждо? Кто не слыхалъ русской пѣсни еще надъ своей колыбелью, и кого ея звуки не провожали во всѣхъ переходахъ жизни, у того, разумѣется, сердце не встрепенется при ея звукахъ. Она не похожа на тѣ звуки, на которыхъ душа его выросла. Либо она будетъ ему непріятна, какъ отголосокъ грубой черни, съ которой онъ ничего въ себѣ не чувствуетъ общаго; либо, если въ немъ уже есть особенный музыкальный талантъ, она ему будетъ любопытна, какъ нѣчто самобытное и странное: какъ пустынная пѣснь Араба; какъ грустная, можетъ быть послѣдняя пѣсня горнаго Кельта въ роскошной гостинной Англіи. Она ему ничего не напомнитъ. Подражаніе уже средоточитъ безжизненность. Что живо, то самобытно. Чѣмъ полнѣе существо человѣка, тѣмъ и лицо его выразительнѣе, непохожѣе на другихъ. То, что называется общечеловѣческой физіономіею, значитъ ничто иное, какъ *на одно лицо* со всѣми, т. е. физіономія пошлая".

VIII.

Было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что *идеалъ* Кирѣевскаго лежалъ назади; нѣтъ, тамъ, за Петровской реформой, былъ для него только *образецъ*—образецъ здоровой народной жизни. Онъ сравнивалъ современнаго ему русскаго человѣка съ людьми тѣхъ счастливыхъ временъ, и ужасался его измельчанію, его пошлости и духовной нищетѣ. Заѣхавъ по дѣламъ въ Тулу, онъ рѣшаетъ переночевать, чтобы на другой день (это было воскресенье) сходить къ обѣднѣ въ соборъ—„посмотрѣть тульскихъ людей"; онъ всюду „смотрѣлъ" русскаго человѣка—въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ, и за обѣдней въ соборѣ. Но тульскіе люди показались ему мелкими людьми, не въ примѣръ предкамъ. „Соборъ Тульскій,—

пишетъ онъ,—довольно почтененъ, но люди меня не утѣшили. Кажется, у насъ ужъ вездѣ почтенный стиль нашихъ церквей и величественныя лица древнихъ иконъ, и звуки колоколовъ, и вся эта строгая совокупность церковныхъ впечатлѣній начинаютъ приходить въ рѣзкое разногласіе съ обмелѣвшими физіономіями прихожанъ, въ которыхъ мода потрясла серьезный строй души и заставила искать впечатлѣній полегче и повеселѣе"[1]).—Тамъ, на здоровой народной почвѣ, и отдѣльная личность раскрывалась свободно во всей полнотѣ своихъ силъ; только общее оздоровленіе народной жизни можетъ снова выпрямить захирѣвшую личность русскаго человѣка. Въ первые дни Крымской войны онъ писалъ: „Надо признаться, что мы всѣ до того отвыкли радоваться, что даже страшно. Въ этомъ конечно есть наша вина, потому что, какъ бы ни было велико торжество зла и горя, а все же не одно оно въ Божіемъ мірѣ. Между тѣмъ отвычка отъ радости можетъ сдѣлать душу человѣческую и не способною къ радости, какъ всякая сила можетъ заглохнуть отъ бездѣйствія. Эта мысль меня особенно поразила въ Свѣтлое Воскресенье, когда пѣли: Се день, его же сотвори Господь, а церковь все-таки полна была будничными физіономіями. *Дай-то Богъ, чтобы магическій звукъ Софійскаго колокола снялъ эту кору съ нашего сердца*"[2]).—Все та же давнишняя его мысль: холоденъ нѣмецъ,—русскому присуща горячность чувства; если онъ сталъ равнодушенъ, то это значитъ, что онъ боленъ; вылечится же онъ тогда, когда звукъ Софійскаго колокола торжествующе разнесется по всей Руси.

Итакъ, повторяю, въ до-петровской старинѣ Кирѣевскій обожалъ не ея конкретное содержаніе, не формы быта, а только ея общія положительныя черты: во-первыхъ, природный душевный строй русскаго человѣка, во-вторыхъ нормальность развитія, которыя, по его мысли, и взаимно обусловливали, и взаимно питали другъ друга. Единственный разъ, когда онъ самостоятельно выступилъ въ печати, это было съ цѣлью защитить отъ хулителей духовный обликъ древне-русскаго предка, даже не христіанской, а еще языческой, славянской эпохи. Эта статья—единственный подлинный фрагментъ его исторической философіи.

Въ первой книжкѣ „Москвитянина" за 1845 годъ Погодинъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, относительно начала". Онъ развивалъ здѣсь модную тогда на Западѣ (Тьерри, Гизо) теорію, которая выводила всѣ формы государственной и общественной жизни западныхъ народовъ изъ начальнаго факта—завоеванія; и далѣе онъ разсуждалъ такъ: Россія не знала завоеванія (призваніе князей было добровольнымъ подчиненіемъ народа); отсюда a priori можно заключить, что наша исторія должна была пойти инымъ путемъ и выработать иныя формы жизни, нежели западная. Дѣйствительно, разбирая далѣе въ бѣгломъ очеркѣ эти формы у насъ и на Западѣ, какъ-то: власть государя и его отношеніе къ различнымъ классамъ общества, положеніе служилаго класса (феодаловъ, бояръ) и его отношеніе къ государю и народу, и т. п., онъ показываетъ, что въ противоположность западнымъ формамъ, вытекшимъ изъ начала *завоеванія*, т. е. вражды, наши были обусловлены началомъ *любви*. Въ заключеніе Погодинъ старается исторически осмыслить этотъ фактъ, т.-е. еще болѣе бѣгло объясняетъ, какъ различныя

---

[1]) Письмо отъ 25 дек. 1841 г., *Русск. Арх.* 1905, V, 159.

[2]) Письмо отъ 6 іюня 1853 г., тамъ-же, 171.

естественныя условія, въ которыхъ приходилось жить русскому народу (территорія, климатъ, составъ народонаселенія, и пр.) съ одной стороны исключали возможность завоеванія и вражды, съ другой способствовали соціальной солидарности.

Какъ сильно взволновала Кирѣевскаго эта статья, можно видѣть уже изъ того, что въ сравнительно короткое время съ января по мартъ онъ написалъ на нее обширное возраженіе — въ 36 печатныхъ страницъ, ровно вдвое больше самой статьи Погодина. Его отвѣтъ, помѣщенный въ третьей книжкѣ „Москвитянина", озаглавленъ: „О древней русской исторіи (Письмо къ М. П. Погодину)"; какъ уже сказано, статья осталась неконченной.

Взволновала Кирѣевскаго не самая идея Погодина о противоположности западнаго историческаго начала, завоеванія, русскому, отсутствію завоеванія; напротивъ, ее онъ принимаетъ цѣликомъ. Его возмутилъ способъ, которымъ Погодинъ обосновывалъ эту идею, именно *психологическая* картина древне-русскаго быта, нарисованная имъ. Въ подкрѣпленіе своей теоріи Погодинъ указывалъ на то, что славяне искони были народомъ тихимъ и терпѣливымъ, а древнерусскій человѣкъ еще въ большей степени отличался безусловной покорностью и равнодушіемъ,—что самый климатъ русской равнины, суровый и холодный заставлялъ обитателей ютиться у домашняго очага, не заботясь о дѣлахъ общественныхъ; поэтому они и приняли чуждыхъ господъ (варяжскихъ князей) безъ всякаго сопротивленія, спокойно подчинились первому пришедшему, и поэтому же безпрекословно, по одному приказанію чуждыхъ господъ, отреклись отъ вѣры отцовъ и приняли христіанство.

Такой хулы на предковъ Кирѣевскій не могъ снести. Здѣсь былъ для него вопросъ жизни и смерти. Вся его любовь, всѣ его надежды зиждились на *его* представленіи о душевномъ строѣ русскаго человѣка. Онъ вѣрилъ и видѣлъ въ исторіи, что русскій человѣкъ именно и великъ между всѣми народами своей нравственной горячностью; безъ этой вѣры могъ ли онъ ждать обновленія родины? А тутъ ему говорятъ, что апатія, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и пассивная покорность суть отличительныя свойства русскаго народа. Такого обвиненія нельзя было оставить безъ отвѣта.

Погодинъ потомъ очень мѣтко отразилъ нападки Кирѣевскаго. Вы, писалъ онъ, отнимаете у нашего народа *терпѣніе* и *смиреніе*, двѣ высочайшія христіанскія добродѣтели; намъ, православнымъ, не пристало отказываться отъ нихъ и искать другихъ, какими справедливо гордится Западъ. А по существу дѣла--вы ищете въ исторіи подкрѣпленій для вашей гипотезы, вы навязываете исторіи вашу систему [1]).

Погодинъ былъ совершенно правъ, но Кирѣевскому, защищавшему свою святыню, было не до послѣдовательности и научности. Помимо всякихъ разсужденій и историческихъ доказательствъ, онъ твердо зналъ, знаніемъ вѣры, что русскій народъ горячъ и благороденъ; другимъ онъ не могъ бы его любить, — а онъ любилъ его со всей силою своего непочатаго чувства. Онъ самъ наивно

[1]) „Отвѣтъ П. В. Кирѣевскому", въ той же книжкѣ „Москвитянина", стр. 47—58. Вообще отвѣтъ Погодина написанъ съ необычной для него живостью и остроуміемъ.—Эта полемика вызвала нѣкоторый шумъ въ кружкѣ, Погодинъ горько обидѣлся, И. В. Кир. велъ съ нимъ переговоры, и пр.; объ этомъ—Барсуковъ, *Погодинъ*, т. VIII, стр. 126—129.

высказываетъ это. Если бы ваше изображеніе русскаго народа было вѣрно, говоритъ онъ Погодину,—это былъ бы народъ, лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства; изъ его среды никогда не могло бы выйти ничего великаго. Если бы онъ былъ таковъ въ первые два вѣка своихъ лѣтописныхъ воспоминаній, то всю его послѣдующую исторію мы бы должны были признать за выдумку, потому что откуда бы взялись у него тогда энергія и благородство? или онѣ были привиты ему варяжскими князьями? — Очевидно, что Кирѣевскій *исходитъ* отъ нѣкотораго предвзятаго представленія о русской исторіи, какъ исполненной благородства и силы; въ историческихъ фактахъ онъ ищетъ только подтвержденій своей мысли, — а исторіей, при желаніи, можно доказать что угодно. И онъ доказываетъ неудержимо, пригибая исторію, прыгая чрезъ пропасти. Развѣ во время татарскихъ нашествій хоть одинъ русскій городокъ былъ взятъ безъ отчаяннаго отпора? развѣ не продолжалась отчаянная борьба во все время татарскаго владычества? развѣ съ покорностью и равнодушіемъ встрѣтили мы чуждыхъ господъ въ 1612 и въ 1812 годахъ? А что касается готовности нашего народа отречься отъ вѣры по приказанію чуждыхъ господъ, то развѣ мало были залиты кровью этихъ чуждыхъ господъ всѣ тѣ стороны Россіи, гдѣ въ самомъ дѣлѣ чуждые господа думали разрушить православіе, а на его мѣсто ввести унію и латинство?—На послѣдній доводъ Погодинъ остроумно отвѣчалъ: вы забываете, что это было *уже съ христіанской вѣрою*, исповѣданной уже въ теченіе пятисотъ лѣтъ. И опять, Погодинъ былъ правъ, но по-своему правъ былъ и Кирѣевскій. Онъ разсуждалъ не какъ историкъ, а какъ психологъ; онъ понималъ, что національный характеръ не мѣняется, и ему во что бы то ни стало нужно было доказать наличность энергіи и благородства уже въ языческій періодъ, чтобы установить полное тождество національной психики, *какъ онъ ее понималъ*, на всемъ протяженіи русской исторіи. Онъ много и настойчиво говоритъ объ этомъ: между первыми двумя вѣками нашей исторіи и послѣдующими нѣтъ существеннаго различія; лѣтописи изображаютъ намъ въ первые два вѣка точно тотъ же характеръ народа и точно то же коренное устройство государственныхъ отношеній, которое мы видимъ и въ послѣдствіи; пагубная мысль о противоположности первыхъ двухъ вѣковъ позднѣйшимъ внесена въ нашу исторію Шлецеромъ и другими нѣмецкими изслѣдователями, которые изучали эти два вѣка по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ совершенно отдѣльно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и т. д.

Въ своей статьѣ онъ ставитъ себѣ цѣлью разсмотрѣть, какія перемѣны въ государственномъ устройствѣ русскихъ славянъ произошли отъ призванія варяжскаго княжескаго рода. Онъ ставитъ этотъ вопросъ на сравнительно-историческую почву общеславянской психологіи. Широко пользуясь аналогіями съ древнѣйшей исторіей чеховъ, поляковъ, сербовъ, хорватовъ и пр., онъ рисуетъ яркую картину первобытнаго государственнаго устройства Руси и показываетъ, что на Руси и до Рюрика были князья, существовало единство племенъ и пр.; эта картина ему нужна для того, чтобы доказать ошибочность мнѣнія, будто русское государство было основано варяжскими князьями и будто эти князья, внеся свои понятія въ новооснованное государство, поставили народъ къ себѣ въ подчиненное положеніе. И весь этотъ рядъ доказательствъ имѣетъ въ его глазахъ одинъ смыслъ: защитить древне-русскаго человѣка отъ обвиненія въ

равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ и къ своему собственному человѣческому достоинству.

Статья П. В. Кирѣевскаго была для своего времени выдающимся явленіемъ и не прошла безслѣдно. Въ ней впервые изученіе древнѣйшей Руси было поставлено на общеславянскую почву и впервые намѣчена теорія патріархальнаго быта; и то, и другое получило потомъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К. Аксакова и вошло въ составъ славянофильской доктрины. Самъ Кирѣевскій этой статьей очевидно совершилъ только первый приступъ къ философскому анализу русской исторіи; онъ долженъ былъ въ дальнѣйшемъ провести ту же психологическую нить чрезъ всѣ ея періоды. Тѣмъ интереснѣе для насъ эта статья. Она показываетъ, что въ исторіи онъ искалъ оправданія своей вѣры и своихъ надеждъ — или, можетъ быть, иначе: что исторіей онъ безсознательно стремился проповѣдовать свою вѣру и внѣдрять свою надежду въ измельчавшихъ русскихъ людей. А можетъ быть, и то, и другое.

Отъ этихъ измельчавшихъ людей Кирѣевскій бѣжалъ въ до-петровскую старину, въ лѣтопись, въ пѣсню, — и въ далекую деревенскую глушь, гдѣ русскій крестьянинъ — „вѣрная отрасль своихъ предковъ“ — до сихъ поръ „не отступилъ отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта“. Этого крестьянина онъ такъ же крѣпко любилъ, какъ ненавидѣлъ городъ, какъ презиралъ городского человѣка, созданіе Петра. Онъ пишетъ однажды брату Ивану, зажившемуся весною въ Москвѣ: „Ахъ, если бы тебѣ можно было поскорѣе въ Долбино, чтобы освѣжиться и отдохнуть ото всей этой мелочной дряни, къ которой ты никакъ не умѣешь оравнодушиться“[1]). А въ его предисловіи къ духовнымъ стихамъ есть такія строки: „Вездѣ, гдѣ коснулось деревенскаго быта вліяніе городской моды, соразмѣрно съ этимъ вліяніемъ уродуется и характеръ пѣсни: вмѣсто прежней красоты и глубины чувства — встрѣчаете безобразіе нравственной порчи, выраженное въ безсмысленномъ смѣшеніи словъ, частью перепутанныхъ изъ старой пѣсни, частью вновь нестройно придуманныхъ; вмѣсто прежней благородной прямоты — ужимистый характеръ сословія лакейскаго“ [2]).

IX.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ—объ отношеніи Кирѣевскаго къ крѣпостному праву. Если онъ любилъ русскаго мужика, какъ онъ могъ самъ владѣть мужиками? и какъ онъ смотрѣлъ вообще на крѣпостное состояніе крестьянства?

Онъ и здѣсь оставался цѣльнымъ, какъ во всемъ, и не измѣнялъ ни своему общественному идеалу, ни своей любви къ крестьянству. Онъ пламенно желалъ и ждалъ освобожденія крестьянъ, но ставилъ это освобожденіе въ неразрывную связь съ общимъ обновленіемъ русской жизни.

Свои мысли о крестьянскомъ дѣлѣ онъ изложилъ, какъ обычно, по случаю,—въ обширномъ письмѣ къ А. И. Кошелеву, 1846 или 1847 года, въ отвѣтъ на

---

[1]) Лясковскій, 52.

[2]) „Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн.“ 1848 № 9, стр. III предисловія.

соображенія Кошелева о пользѣ частныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами, какъ подготовительной ступени къ государственному освобожденію крестьянъ. Ничто не можетъ дать болѣе яснаго представленія о личности Кирѣевскаго, нежели это письмо. Онъ весь тутъ—со своей простотой и честностью, со своей болью за родину и за мужика, своей ненавистью къ бюрократіи и упорной мечтою о правдѣ и свободѣ для Россіи. Не обинуясь скажу, что это письмо заслуживаетъ мѣста въ исторіи русской общественной мысли. Я сожалѣю, что не могу привести его цѣликомъ: оно очень велико — въ печати оно занимаетъ 7 большихъ убористыхъ страницъ [1]).

Кирѣевскій начинаетъ съ выраженія своей общей мысли о крѣпостномъ правѣ, „этой глубокой и страшной язвѣ нашего государственнаго и общественнаго быта". Безуміе думать, что правда можетъ быть плодомъ такихъ отношеній, которыя обращаютъ человѣка въ игрушку человѣческихъ страстей и прихотей; такія отношенія глубоко безнравственны, потому что, убивая въ человѣкѣ надежду на правду, они въ концѣ концовъ искореняютъ въ немъ и самую любовь къ правдѣ. Никто не можетъ поручиться за себя, что съумѣетъ силою своей воли или своего просвѣщенія удержать свои страсти и прихоти въ должныхъ границахъ, разъ нѣтъ внѣшней и для него самого неодолимой преграды. Итакъ, въ безнравственности крѣпостного права не можетъ быть сомнѣнія. Вопросъ только въ томъ, какія средства должны быть употреблены, чтобы полную зависимость крестьянъ отъ чужихъ страстей и прихотей замѣнить правдою закона.

Если бы дѣло стало только за великодушіемъ отдѣльныхъ лицъ, вопросъ рѣшался бы просто. Несмотря на всю нашу несомнѣнную испорченность, еще нашлось бы немало русскихъ дворянъ, которые согласились бы пожертвовать своими правами и выгодами, чтобы перевести своихъ крестьянъ подъ власть закона. Но, спрашивается, что̀ дало бы обѣимъ сторонамъ такое частичное освобожденіе? улучшитъ ли оно положеніе крестьянъ отдѣльнаго помѣщика, и будетъ ли помѣщикъ избавленъ отъ безнравственнаго положенія въ обществѣ? — Къ несчастію, дѣло гораздо сложнѣе. Выйдя изъ-подъ власти помѣщика, крестьянинъ поступитъ не подъ защиту закона, а подъ такой же произволъ такихъ же безнравственныхъ чиновниковъ, которые, къ тому-же, мѣняясь безпрестанно, не будутъ имѣть надобности щадить мужика, какъ источникъ своихъ дальнѣйшихъ доходовъ, и не будутъ опасаться ожесточенія деревни. Слѣдовательно для крестьянъ это будетъ значить то-же, что вмѣсто одной пьявки нажить десять одну за другою, а для помѣщика — то же, какъ если бы онъ продалъ свое имѣніе; онъ *себя* избавилъ бы отъ хлопотъ, но нисколько не выгородилъ бы себя изъ общей порчи и отвѣтственности неправеднаго общества. Всякаго уваженія достойны тѣ, которые заботятся о водвореніи законности въ отношеніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, равно какъ и тѣ, которые идутъ въ государственную службу, чтобы по крайней мѣрѣ въ своемъ узкомъ кругѣ истребить злоупотребленія чиновничества. Но существенной пользы для Россіи нельзя ждать ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, потому что всѣ усилія отдѣльныхъ людей неизбѣжно сокрушаются давленіемъ общей массы, уже разъ принявшей ложное направленіе. А исправить общее направленіе русской жизни не по си-

[1]) Оно напечатано въ *Рус. Арх.* 1873 II столб. 1345—59.

ламъ частнаго человѣка: это можетъ быть совершено только правительствомъ. Крѣпостное состояніе не такого рода зло, которое могло бы быть исправлено отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ злоупотребленій, полицейскихъ и общественныхъ, и именно потому оно не можетъ прекратиться мало по малу, а должно быть исправлено не иначе, какъ съ утвержденіемъ и всѣхъ прочихъ отношеній, сообразныхъ съ этой перемѣною, слѣдовательно не иначе, какъ одною общею правительственною мѣрою. Если бы даже правительство провело только одну эту мѣру (уничтоженіе крѣпостного права), безъ одновременнаго преобразованія прочихъ частей государственнаго строя, — она неминуемо *уже сама* привела бы его къ дальнѣйшей реформѣ, то-есть къ преобразованію суда и чиновничества; въ этомъ случаѣ оно поступило-бы такъ, какъ Юлій Цезарь, когда въ рѣшительную минуту битвы онъ бросилъ знамя своего легіона въ непріятельскіе ряды и тѣмъ рѣшилъ побѣду. Положеніе Россіи сейчасъ не менѣе критическое, чѣмъ было тогда положеніе Цезаря. Взаимная порча крестьянъ и помѣщиковъ развивается съ такой ужасной быстротой, что требуетъ немедленной помощи. Крестьянскій вопросъ — только часть общаго вопроса о водвореніи законности въ Россіи. „Не только я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, — говоритъ Кирѣевскій, — которые думаютъ, будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности, но думаю напротивъ, что онъ стоитъ на той ступени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую съ каждымъ годомъ утрачиваетъ больше и больше". — Надо прибавить, что по мнѣнію Кирѣевскаго крестьянамъ при освобожденіи должна быть отдана *половина земли*, и, повидимому, онъ думалъ—*безъ выкупа*.

Если бы отъ Кирѣевскаго и о немъ до насъ не дошло ничего больше, кромѣ этого письма, и тогда мы должны были бы признать въ немъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ образовъ русской исторіи.

Самъ онъ, вѣрный себѣ во всемъ, при такихъ взглядахъ разумѣется не могъ освободить своихъ крестьянъ. Онъ не дождался государственнаго акта объ эмансипаціи, котораго такъ нетерпѣливо ждалъ, но, по крайней мѣрѣ, еще видѣлъ зарю освобожденія. За полгода до смерти, въ началѣ 1856 года, онъ писалъ матери: „Дай-то Богъ, чтобы оправдались слухи объ эмансипаціи! Во что бы то ни стало, а это потребность самая вопіющая. Мы съ Ив. В. Павловымъ сговариваемся подать на выборахъ голосъ въ эту сторону" [1]). Каковы были его отношенія къ его крестьянамъ, объ этомъ легко догадаться, зная его убѣжденія и цѣльность его характера. Люди, знавшіе его, разсказываютъ, что въ голодный годъ 1840 онъ роздалъ все, что у него было въ амбарахъ, не только своимъ крестьянамъ, но и приходившимъ изъ другихъ селъ [2]). Дѣло у него не расходилось съ мыслью и словомъ. Въ томъ письмѣ къ Кошелеву онъ между прочимъ писалъ: „Гдѣ мірская сходка еще существуетъ, какъ обломокъ древнихъ, тысячелѣтнихъ привычекъ народа, тамъ она конечно имѣетъ существенную важность, *и совѣстливый помѣщикъ долженъ почтительно хранить ее*, какъ основу будущей законности". Года три спустя послѣ того, какъ было писано это письмо, Кирѣев-

---

[1]) Неизданное письмо отъ 14 февр. 1856 г.

[2]) Лясковскій, 57. Марковичъ въ *Рус. Бес.* 1857 II 18. П. В. Кирѣевскому принадлежали— въ Орловскомъ уѣздѣ дер. Кирѣевская Слободка въ 106 душъ, и въ Кромскомъ уѣздѣ сельцо Рубча въ 179 душъ, всего 285 душъ.

скому пришлось какъ-то дать совѣтъ сестрѣ, Маріи Васильевнѣ, по одной сложной жалобѣ нѣкоторыхъ крестьянъ ея деревни. Жили въ этой деревнѣ трое сиротъ, 2 мальчика и дѣвочка, племянники кормилицы маленькаго сына И. В. Кирѣевскаго; Марья Васильевна приказала купить имъ лошадь міромъ; міръ положилъ, чтобы лошадь купилъ бывшій староста, за которымъ числилось 80 рублей долга міру, и бывшій староста отдалъ свою лошадь, положивши ее въ 70 руб. Теперь же, когда оба мальчика нанялись у міра пасти скотъ за 35 руб., то теперешній староста эти деньги съ міра собралъ, изъ нихъ 21 рубль, какъ и слѣдовало, вычелъ съ сиротъ на подушное, а остальные 14 рублей незаконно отдалъ прежнему старостѣ за лошадь, потому что онъ ему родня. Поэтому родные кормилицы, у которыхъ и жили сироты, просили помѣщицу приказать отдать эти 14 р. сиротамъ на рукавицы, обувь и пр., какъ ими заработанныя. Далѣе, просили они, чтобы помѣщица приказала заплатить сиротамъ тѣ деньги, которыя имъ долженъ Иванъ Нефедовъ, — 40 руб. Наконецъ, третье дѣло было такое: свекоръ той же кормилицы имѣетъ свою покупную землю; изъ нея онъ продалъ часть другому мужику, Ларіону Финагѣеву, уже давно, за 500 руб.; но Ларіонъ Финагѣевъ денегъ тѣхъ не отдавалъ, а пользуется землею уже около десяти лѣтъ, всякій годъ обѣщая отдать деньги. Но такъ какъ онъ очень богатъ и къ тому же былъ родня большей части бурмистровъ за эти годы, то его нельзя было принудить къ уплатѣ; поэтому свекоръ кормилицы просилъ теперь Марью Васильевну приказать Финагѣеву или заплатить деньги, или вернуть землю съ уплатою за ея десятилѣтнее пользованіе.

Подобныя дѣла обычно рѣшались распоряженіемъ помѣщика. Въ данномъ случаѣ этого можно было тѣмъ скорѣе ждать, что жалоба исходила отъ людей, близкихъ помѣщику,—отъ родныхъ кормилицы, жившей въ домѣ Ивана Васильевича; самыя эти жалобы сообщилъ сестрѣ именно Ив. Вас., со словъ пріѣхавшаго изъ деревни мужа кормилицы. Ничего не было-бы проще, какъ самой Маріи Васильевнѣ, или Петру Васильевичу, управлявшему ея имѣніемъ, рѣшить дѣло самовластно,—и, конечно, въ пользу кормилицыныхъ родныхъ.

Свое письмо къ сестрѣ съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла И. В. послалъ сначала Петру Васильевичу, какъ ея управляющему, съ тѣмъ, чтобы П. В. далъ свое заключеніе. И вотъ П. В., пересылая ей письмо брата, приложилъ свое мнѣніе [1]). „Жалобы кормилицына мужа,—писалъ онъ,—кажутся мнѣ основательными, если только онъ говорилъ правду; но такъ какъ нельзя безусловно положиться на слова одного мужика, а заочно разобрать дѣло трудно, то въ этомъ случаѣ всего лучше положиться на рѣшеніе *міра*. А потому приказать старостѣ, чтобы онъ созвалъ міръ и спросилъ: 1) Правда ли, что Иванъ Нефедовъ долженъ кормилицынымъ сиротамъ 40 р. асс.?—и если міръ подтвердитъ, то приказать, чтобы онъ немедленно заплатилъ. 2) Правда-ли, что Ларіонъ Финагѣевъ купилъ землю у кормилицына свекра за 500 р. асс. и денегъ не заплатилъ? — и если міръ подтвердитъ, то приказать Ларіону либо немедленно заплатить, либо немедленно же возвратить землю, заплатя за всѣ годы, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался, и заплатить столько, сколько міръ положитъ. 3) Если староста былъ долженъ міру 70 р. асс., то 14 р., отданные ста-

[1]) Неизданное письмо къ М. В. Кирѣевской, отъ 28 февр. 1849 г.

ростѣ, ему не слѣдуютъ, а должны быть возвращены сиротамъ. Надобно приказать, чтобы всѣ эти дѣла непремѣнно были разобраны *міромъ* и чтобы мірской приговоръ былъ исполненъ".

X.

Крѣпки были пращуры и дѣды, плотно и увѣсисто сидѣли еще отцы въ своихъ широкихъ креслахъ и колымагахъ; если бы не больничный тифъ 1812 года, Василій Ивановичъ Кирѣевскій навѣрное дожилъ бы до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Петръ Кирѣевскій нажилъ немного: сорока восьми лѣтъ онъ сошелъ въ могилу, и уже задолго раньше болѣлъ. Душевная жизнь, по иному сложная, чувство болѣзненно-чуткое и тревожное, рано изнурили тѣло.

Онъ началъ серьезно хворать уже въ концѣ 40-хъ годовъ, а съ 1853-го у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болѣзни, которую врачи опредѣляли то какъ ревматизмъ, то какъ болѣзнь печени. Онъ переносилъ эти припадки одинъ въ своей Слободкѣ, иногда по-долгу дожидаясь врача, безъ всякой мнительности, только досадуя каждый разъ на болѣзнь, какъ на помѣху, и огорчаясь тѣмъ, что она дѣлаетъ его „кислымъ" или „прѣснымъ". Роднымъ онъ писалъ въ это время трогательныя письма, въ которыхъ завѣрялъ, что говоритъ всю правду о своей болѣзни, и умолялъ не безпокоиться. Его письма къ роднымъ вообще удивительно-хороши,—столько въ нихъ любви, нѣжности и доброты. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ матери[1]) есть такія строки (обращенныя къ Екат. Ив. Елагиной, женѣ его единоутробнаго брата Василія): „А это какъ же могло быть, чтобы я на тебя сердился, голубушка Катя? хотя ужъ и давно ты ко мнѣ не писала, но я изъ этого не заключалъ, чтобы ты обо мнѣ забыла, а только ждалъ, что авось-либо дескать захочется и ей написать". Таковъ тонъ его писемъ.

11 іюня 1856 г. внезапно умеръ въ Петербургѣ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Этой потери Петръ не могъ перенести. 4 ноября въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появился некрологъ П. В. Кирѣевскаго, написанный Кавелинымъ. „25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ П. В. Кирѣевскій, переживъ своего брата, И. В. Кирѣевскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ"[2]). Его послѣднія слова были: *Мнѣ очень хорошо*[3]). При немъ были мать, братья Елагины и др. Похоронили его въ Оптиной пустыни, рядомъ съ могилою брата.

---

1) Неизд. письмо отъ 23 дек. 1854 г.

2) С.-Пет. Вѣд., № 242-й за 1856 г.; перепечатано въ *Соч.* Кавелина, т. II, стр. 1219—1222.

3) Это писала Авдотья Петр. Погодину, см. Барсуковъ, *Погодинъ*, т. XIV, стр. 580.

Должно быть, горько ему было думать на смертномъ одрѣ о томъ, какая участь ждетъ его сокровище—его пѣсни. Правда, онъ оставлялъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ; тутъ были его ближайшіе помощники—П. И. Якушкинъ и М. А. Стаховичъ, и два его брата Николай и Василій Елагины. Но онъ успѣлъ приготовить къ печати только 839 пѣсенъ: кто обработаетъ, и кто *въ состояніи* обработать по его способу остальныя тысячи? И когда дождутся они печати?—Но случилось худшее, нежели онъ могъ ожидать. Случилось, во первыхъ, что часть его собранія *пропала*. Когда, послѣ его смерти, Якушкинъ приступилъ къ разборкѣ его бумагъ, онъ замѣтилъ страшный недочетъ: „по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ стопъ бумаги, исписанной пѣснями, не оказалось; потомъ я узналъ,—пишетъ Якушкинъ,—что сверхъ этой страшной потери пропало еще множество бумагъ покойнаго Петра Васильевича, оставленныхъ имъ въ Москвѣ“[1]). А потомъ Якушкинъ былъ оттертъ отъ этой работы, драгоцѣнное собраніе попало въ безконтрольное вѣденіе Безсонова, и если бы Кирѣевскій могъ, ставъ изъ гроба, увидѣть, *какъ* издалъ Безсоновъ его пѣсни, онъ пожалѣлъ-бы, можетъ быть, что онѣ не всѣ пропали.

XI.

Прослѣживая жизненный путь Кирѣевскаго, читая и перечитывая груду пожелтѣлыхъ листковъ его писемъ, невозможно отдѣлаться отъ страннаго, почти жуткаго чувства. Въ Кирѣевскомъ есть что-то призрачное, пугающее; за дѣловитой полнотой его жизни чувствуется зіяющая пустота, за твердостью его воли—безличность. Знаешь навѣрное, что онъ былъ, видишь и осязаешь то, что онъ сдѣлалъ, и все-таки впечатлѣніе призрачности упорно остается, несмотря на всю достовѣрность.

Двадцати одного года, изъ-за границы, Кирѣевскій пишетъ: „Только здѣсь, гдѣ я раздвоенъ, гдѣ лучшая часть меня за тысячи верстъ, вполнѣ чувствуешь, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою, и передъ ней благоговѣешь; чувствуешь полную безсмысленность мысли, чтобы она была безъ значенія, безъ разума, и остается только одинъ выборъ между вѣрою или сумашествіемъ. Что до меня касается, то я спокоенъ, какъ только можно быть, и дѣлаю все, что могу, чтобы вытѣснить изъ сердца всякое безплодное безпокойство, оставя одну молитву“. Точно сказочный Китежъ: городъ погрузился въ озеро, замерла жизнь,—только среди мертвой тишины надъ невозмутимой гладью слышится по временамъ призрачный звонъ колоколовъ—безмысленная молитва Кирѣевскаго.

Въ каждомъ человѣкѣ внутри есть его подлинное *я*, засыпанное, какъ обваломъ, заглушенное, большею частью ему самому невѣдомое. Случается, собственный поступокъ или какое-нибудь потрясающее несчастіе вдругъ расколетъ шелуху, и подлинная личность вдругъ освободится и человѣкъ познаетъ, *чего онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ*; обычно-же голосъ этого истиннаго *я* только искаженно проникаетъ сквозь плотную броню нивѣсть откуда отложившихся на немъ наслоеній,—мнѣній унаслѣдованныхъ, впитанныхъ съ молокомъ матери, воспринятыхъ

[1]) П. И. Якушкинъ, *Сочиненія*, Спб. 1884, стр. 463.

изъ воздуха; но онъ все-таки проникаетъ, и это его приказамъ, хотя и искаженнымъ, повинуется въ жизни человѣкъ.

Странное дѣло: въ Кирѣевскомъ какъ-будто совсѣмъ не было этого внутренняго *я*; онъ метафизически безличенъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ такъ жилъ. Ни на одномъ его желаніи или поступкѣ не видно печати ирраціонально-личной воли; напротивъ, всѣ его желанія и поступки—и порознь, и въ своей послѣдовательности—строго-раціональны, какъ система, а поскольку воля еще пыталась утверждать себя, онъ сознательно подавляетъ ее, и съ полнымъ успѣхомъ. Двадцати съ лишнимъ лѣтъ, когда внутреннее *я* всего властнѣе говоритъ въ человѣкѣ, онъ отрекся отъ счастія и отъ самостоятельной мысли о путяхъ провидѣнія, и это удалось ему такъ легко, что нельзя не удивиться; онъ дѣйствительно всю остальную жизнь прожилъ въ „вѣчно-однообразномъ движеніи" и молитвѣ, ни разу не протянулъ руку за личной радостью и не возсталъ мыслью противъ судьбы, вообще ничего не пожелалъ изъ личной своей воли-вѣрный знакъ, что та личная, внутренняя его воля отъ природы была чрезвычайно слаба.

Вотъ въ чемъ призрачность Кирѣевскаго. Онъ не самъ существовалъ, хотя бы въ той малой мѣрѣ, въ какой существуетъ каждый изъ насъ: духъ цѣлаго народа въ его тысячелѣтней исторіи, сгущаясь, достигъ олицетворенія въ этомъ человѣкѣ, и *личнаго* въ Кирѣевскомъ было не больше того, сколько нужно было, чтобы только быть человѣку,—минимумъ воли, минимумъ вожделѣній, самосохраненія, ирраціональной мысли. И такъ-какъ личность все-таки была, то она тяжко томилась, порабощенная высшему опредѣленію его существа; оттого такъ печаленъ образъ Кирѣевскаго, оттого кажется, что жизнь непрерывно терзала и мучила его пассивное и слабое личное *я*, какъ мачеха—беззащитнаго ребенка. Повторяю: есть что-то страшное въ этомъ зрѣлищѣ человѣка, самой природой такъ абсолютно предназначеннаго не *быть*, а служить орудіемъ внѣ-личныхъ, историческихъ силъ. Таковъ, повидимому, общій законъ; только утративъ свою личность, утвердишь ее навѣки; но къ этому надо быть призваннымъ. Зерно ложится въ землю и умираетъ, чтобы взойти многозернистымъ колосомъ, и Христосъ долженъ былъ дважды умереть—въ пустынѣ и на крестѣ, чтобы воскреснуть въ милліонахъ и милліонахъ душъ.

О Кирѣевскомъ можно было сказать библейскимъ словомъ: изъ земли ты взятъ, и въ землю вернулся. Подавивъ въ себѣ, такъ рано, послѣдніе остатки индивидуальности, онъ сталъ безличенъ, но вмѣстѣ и удивительно цѣленъ, какъ воплощеніе народной стихіи. Этой стихіей были всецѣло пропитаны его чувства и его мысль. Онъ обладалъ безпримѣрнымъ чутьемъ народнаго, сильнѣе всего на свѣтѣ любилъ русскій народъ и все, имъ созданное, истину и красоту понималъ только въ тѣхъ формахъ, какія придалъ имъ русскій умъ; и безъ сомнѣнія, и чувствовалъ онъ и мыслилъ по-народному, и даже въ самомъ этомъ добровольномъ обезличеніи невольно слѣдовалъ какому-то тайному закону русскаго національнаго духа.

Именно на этой стихійной цѣльности Кирѣевскаго основано его историческое значеніе. Не собираніемъ народныхъ пѣсенъ, не изслѣдованіями въ области русской исторіи онъ исполнилъ свое жизненное призваніе, но тѣмъ, что въ опредѣленный моментъ онъ явился среди русскаго образованнаго общества

какъ живое воплощеніе русскаго народнаго духа и какъ живая связь между народомъ и этимъ оторвавшимся отъ народа обществомъ. Что люди лишь частично угадывали и любили въ исторіи, въ бытѣ, преданіяхъ и пѣсняхъ народа, то здѣсь предстало, какъ самородный слитокъ, въ живой личности,—и тѣмъ доступнѣе было имъ почувствовать въ ней эту стихію, что человѣкъ, въ которомъ она олицетворилась, былъ для нихъ свой, ровня по образованію и образу жизни. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы опредѣленно указать, какіе положительные элементы внесъ Кирѣевскій въ славянофильство и вообще въ русское общественное сознаніе: но совершенно ясно, что его личность должна была оказать на современниковъ огромное *чувственное* дѣйствіе въ смыслѣ сближенія съ народомъ и уясненія роли народа въ общемъ прогрессѣ націи. Я думаю, что исторически-вѣрно и безъ преувеличенія опредѣлю значеніе Кирѣевскаго, если скажу, что онъ былъ основателемъ нашего новѣйшаго народничества въ обоихъ смыслахъ этого слова: какъ временнаго общественнаго движенія, и какъ руководящаго начала всей общественной мысли.

М. Гершензонъ.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1910.